

ГЕОРГИИ
ПАНКРАТОВЕ

Человек,
из Подольска!

СБОРНИК
ЭССЕ

Георгий Панкратов Человек, из Подольска!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67084912

SelfPub; 2022

Аннотация

Автор – писатель, участник длинного списка премии «Большая книга», финалист и лауреат разных премий в номинациях «Публицистика», «Эссе» («Мыслящий тростник», «Русский Гофман» и др.).

В данной книге собраны отдельные публицистические, историко-краеведческие, общественно-политические и культурные публикации автора за 10 лет. В фокусе его внимания вопросы современной повестки; известные личности – Тарковский, Рязанов, Летов, Михалков, Лимонов, Данилов, Деген; воспоминания о некоторых основаны на опыте его личного общения; писатели Казинцев и Черкашин, журналист Молчанов, режиссер Рогожкин.

Материалы о Севастополе и украинских событиях 2014 года, приведенные в книге, многократно перепечатываются и до сих пор вызывают отклики.

Публикации о знаменитых битвах ВОВ основаны на уникальных свидетельствах, раскрывающих человеческие характеры.

В авторской редакции приведена расширенная глава из книги «Мечта о прекрасном, несбыточном» о ВДНХ в последний год существования СССР.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Увидеть замерший мир	5
Трамвай идет по городу	12
Я хочу проснуться	15
Контурсы и лица	35
Младший брат Петербурга	43
Бог ведет свой блог	51
Человеческий компостер	57
Сделали все, что хотели	64
Незабываемые встречи	66
Крестики б*** иконки	73
Не время для драконов	82
Праздник, которого нет с тобой	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Георгий Панкратов

Человек, из Подольска!

Увидеть замерший мир

О разности рабочих методов журналиста и писателя

Проникновение журналистики в писательство, литературу, а значит, и законов, по которым существует эта профессия, и качества итогового материала – тренд времени. В современной действительности смешивается все и со всем, так почему бы не быть и такому смешению? Но я уверен, что это плохо, что журналистский подход и опыт вреден для литературы, если автор работает в качестве писателя по той же творческой модели, что и в качестве журналиста.

Вот уже редактор отдела критики известного литературного журнала позволяет себе замечание, что литература должна ориентироваться на новостную (!) журналистику – что, казалось бы, немислимо. Да, литература двумя гранями соприкасается с другими человеческими деятельностями – журналистикой и философией, но соприкосновение с первой, по моему убеждению, происходит как раз нижней гранью. Журналистика может в чем-то ориентироваться на литературу, но никак не наоборот. Сегодня мы видим обратное: проникая в литературу, журналистика не ассимилирует

ется в ней, а устанавливает свои жанровые и тематические порядки.

Я убежден, что для писателя хорошо быть дистанцированным от реальности в ее, возможно, и не самых худших, но ненужных, наносных проявлениях. Они полезны лишь в том случае, когда сами живут в текстах, но не когда писатель начинает жить ими, в них. Для писателя хорошо влиять на реальность, а не поддаваться ее влиянию. Когда он ничем не отличается от журналиста, PR-менеджера, блогера, хипстера и черт знает кого еще – это вредно, потому что привязывает писателя к сиюминутному, отсекает от главного.

Однако верно и то, что плохо это для самого писателя, для результата его труда, но не для его успеха – приверженность сиюминутному весьма ценится в современном литературном процессе. Что приветствуется нынешними премиями? Крупная форма на историческом материале, иными словами, осмысление прошлого, но не всего подряд, а лишь того, на мутной поверхности которого отчетливо проступает сегодняшняя повестка дня. В рассказах востребована игра, ироничность, моделирование чудаковатых мирков, в которых существуют придуманные чудаковатые персонажи, все это должно забавлять.

Серьезный разговор о повседневности, бытности без уклона в сиюминутное и новостную повестку, о неизменных вопросах жизни и смерти, существования человека в мире и нашей стране – вот что хотелось бы видеть и чего в ней по-

настоящему мало.

Опыт усредненного журналиста – явление совершенно иного порядка. Тем не менее журналисты постепенно занимают свободные места в зале писательской славы. Шумны и поверхностны, заточены на шуточки и остроты, зачастую в литературу эти люди идут ради демонстрации своего остроумия. Невозможность произнести речь без смеха и ужимок, тематика «нерадивых родителей» и «горе-водителей», плохих чиновников, хороших активистов, неправильных поступков и старших товарищей, одергивающих и объясняющих, что «надо не так, а вот так», и прочее «время покажет»; ровный, но без излишеств язык; полное отсутствие попыток «шагнуть за...» в авторской фантазии и размышлениях о жизни – все это обеспечивает их прозе довольно прохладный прием «вживую». Да, она признается читателем и коллегами добротной сделанной, но не прорывной. Удивление наступает потом – когда наблюдаешь лавину побед, которую данные авторы одерживают над всем и всеми, мощную поддержку их в социальных сетях и СМИ. Самим авторам можно позавидовать; литературе, которая имеет таких писателей в качестве локомотива – вряд ли.

Почему сильное влияние журналистики на литературный процесс – это плохо? Стоит оговориться, что речь идет о среднестатистическом работнике СМИ, зачастую онлайн-медиа), исключая военных и спортивных журналистов, а также талантливых, «штучных» авторов. Повседневное по-

ведение среднестатистического журналиста – отвратительно, поверхностно, схематично и «мематично»: он мыслит мемами, ржаками, «дичью», «хтоню». Все прочее, если он не специализируется на определенной теме, интересует мало. Даже литература. Даже если он сам – писатель. В прозу тащатся клише и стандарты современного журналистского текста, так как авторы, гуру которых – Ильяхов, убийственный для литературы, попросту не до конца понимают, чем художественный текст отличается от журналистского. И главное – почему он вообще отличается. Те, кто считают, что современная журналистика свободна от штампов, сильно ошибаются: в погоне за интересностью и стремлением «уйти от клише и совка» современные редакторы выдумали новые клише и новые стандарты, которые внедряются и исполняются куда жестче, чем предыдущие. Подобно многим современным мигрантам, они, попадая в другую среду, не стремятся интегрироваться в нее, а торопятся изменить под себя, свои понятные и привычные стандарты.

Журналист живет эмоциями, их сменяемость – залог его удовлетворенности и ощущения себя как профессионала. Сегодня погрузился в детский хосписе, завтра поплясал на веселом митинге, послезавтра провел «один день с догхантером»: мол, проблема раскрыта из самых ее недр, а как к ней уж относиться, решайте сами. Задача журналиста – не сбавлять скорость, непрерывно поддерживать в себе стресс, столь милый его сердцу, подогреть самого себя. Он все

время загнан и считает это состояние одним из главных достоинств профессии. Результат его труда с некоторых пор измеряется лайками и просмотрами, а также репостами в соцсетях, а потому и сам журналист постепенно начинает мыслить этими категориями, перенося их на остальные области своей (и окружающей) жизни.

В то же время все вышеописанное – враги писателя. Писателю нужно остановиться, он должен суметь заставить мир замереть, а себя – увидеть мир замершим (ведь он в реальности, конечно же, не замирает). Пройтись по пустому городу, услышать его тишину, принять ее, вжиться в нее, так, чтобы тело трясло, будто бьет током. Остановить, остановиться и осмыслить – вот задача писателя. И когда ты осознаешь, что умеешь заглянуть в остановившийся мир и исследовать в нем каждый уголок, никакие лайки и репосты тебе уже не нужны.

У журналистов все иначе. Их стезя – болтовня, забалтывание. Собственно, текст у пишущего журналиста занимает минимум времени, и нужен он только как отправная точка для других действий. Журналист никогда не относится к профессии писателя серьезно и если сам занимается ею, то лишь для того, чтобы продвинуть, расширить (анал. *расширить*) себя как журналиста – современным медиаработникам страсть как важно закреплять свое присутствие везде, где только можно.

Теперешние журналисты – это рыбы-прилипалы, облеп-

ляющие гигантские корабли жизни. Мир идет, движимый совсем другими идеями и людьми (как ни смешно, в том числе и писателями), а журналистика, по сути, лишь паразитирует на нем, чтобы задействованные в ней люди имели возможность хоть как-то существовать (к сожалению, заниматься этим вынуждены многие из тех, кому такое положение вещей совсем не нравится), а зачастую еще и мешает миру идти (видя в этом своем назначении). Исключения редки.

Как функционируют современные онлайн-медиа, отлично рассказывает Иван Охлобыстин: *«Среднестатистическая публикация – плод совместного труда Всемирной сети, второкурсницы журфака и выпускающего редактора. В свободное от посещения кафетерия время второкурсница при помощи одной из поисковых систем интернета выуживает информацию, что Петя Петров снимается в кинокартине, где он по сюжету попадает в аварию, методом «выделить» переносит готовый текст на пустую страницу в своем компьютере, венчает перенесенное заголовком «Петя Петров едва не погиб в страшной автокатастрофе» и тащит эту чушь не более ответственному выпускающему редактору. Тот тщательно подсчитывает количество печатных знаков, убирает лишние и посылает текст в печать»*. О том, полезен ли данный опыт для литературы, предлагаю подумывать самостоятельно.

И вот эта самая современная журналистика с ее вполне прозрачными целями и поверхностными ценностями, с

откровенно дурацким профессиональным сленгом, перегруженным словечками типа «вангуем», «просос» и подобными – она, проникая в литературный процесс и захватывая его, подминает под свои стандарты последнюю территорию подлинной свободы. Более того, едва освоившись в ней, принимается чему-то учить (как писать, как вести себя и т.д.). Но писателя нельзя подмять и захватить, сама идея писателя в чистом виде свободна ото всего. Любую свободу можно отнять, задушить, задавить – или что еще хуже, навязать искусственно. Но не свободу писателя, сидящего перед чистым листом.

Тем не менее, литературное пространство вместо того, чтобы оставаться «заповедной зоной», стремительно мутирует, добровольно внедряя в себя чуждые образцы мышления, поведения, отношение к жизни и к слову.

(2020)

Трамвай идет по городу

О документальном фильме 1973 года

Документальный фильм режиссера Людмилы Станукинас «Трамвай идет по городу» снят в 1973 году. Но ценность эта съемка приобретает именно сейчас, когда на волне общего интереса к советской жизни (не станем называть это ностальгией) подобные записи буквально обретают второе дыхание. Судьба этого фильма в СССР мне не известна, но не исключая, что с неподдельным интересом к нему отнеслись лишь водители трамваев да личности, случайно попавшие в кадр. Теперь же, когда трамвай из живого символа Санкт-Петербурга превращается в подзабытый миф, да и самого того города нет, просмотр фильма об этом символе и об этом городе – по-настоящему приятное занятие.

Зачем смотреть это кино? Во-первых, просто взглянуть на трамвай там, где его уже нет и никогда не будет. Посмотреть на центр города, на Театральную и площадь Мира, из окон легендарного сорокового маршрута – кстати, совершенно другой центр, которого мы тоже никогда больше не увидим. Узнать об образе жизни и распорядке дня ленинградского обывателя, провести параллели с днем сегодняшним – что ушло безвозвратно, а что остается все тем же и по сей день. Наконец, послушать незатейливые рассуждения о жизни ленинградской вагоновожатой Людмилы, женщины сред-

них лет – ведь фильм не лишен романтики, он не только об остановках и стуке колес, он о простом человеческом счастье.

Четыре смены водителя – четыре времени года. Первая смена – утро. Встречаем первых пассажиров – рабочих, отправляющихся на завод.

– Утром неразговорчивые, – комментирует Людмила, – Но ничего, к вечеру разговорятся».

В вагоне кто спит, кто читает газеты, сонные лица сменяются видами сонного города, и все сопровождается кажущимся монотонным голосом водителя, единственным голосом, который мы слышим в фильме.

– Люди как голуби, – говорит Людмила о пешеходах, имея в виду тех, кто внезапно выбегает на рельсы.

– Скоро и торговые работники поедут, их время наступит.

А мы едем и едем дальше. Днем трамвай пуст, камера выхватывает пожилых интеллигентов, одинокую девушку и обязательных пенсионеров, которые сами не знают, где им сходить. Вечерняя смена заснята в пятницу, Людмила между делом рассказывает о семье, о планах на выходные, заключая:

– Как женщина жизнь организует, так и будет.

И, кажется, так и есть: пока пассажиры в трамвае, она всем им «организует жизнь». Вот только «сердцем и душой страдаю, что не могу поговорить с ними. Смотрю молча – един-

ственное мое общение».

Вечером трамвай проезжает Театральную, в вагоне кто-то играет на трубе, кто-то на гитаре.

– А если салют – тогда едем медленно-медленно. Никто и не против.

Влюбленная пара – последние пассажиры ночного трамвая, отправляющегося в парк. Выходят у Марсова поля, гулять по ночному городу, оставляя вагон пустым.

– Что плакаться? Жизнь прекрасна! – Людмила подводит итог путешествию – Трамвай еще будет долго. Остановись трамвай – и завтра все заплачут.

С расстояния сорока лет пусть каждый из нас услышит в словах этих что-то свое.

(2011)

Я хочу проснуться

О двух городах начала 90-х

У меня было два «параллельных» детства: с рождения и вплоть до старших классов школы большую часть времени я проводил в Севастополе (о нем в отдельном эссе), но немалую – в Санкт-Петербурге.

Мыши в банке

Я замирал перед экраном.

– Послушайте этого парня, – говорил уважаемый телеведущий. Этой программы мы с родителями ждали несколько месяцев: главный канал страны, лучшая телепередача, передача-эталон, и в ней через какие-то секунды должны были показать меня! – который так все понимает и простым языком говорит.

Нас снимали весь день. Жильцов специально просили не выходить из дому, в особенности Илью, василеостровского дурачка лет двадцати пяти. Съемка была на коммунальной кухне на фоне сдвинутых столов и расставленных вдоль длинной стены одинаковых газовых плит. Человек с камерой входил и медленно шел, снимая всех жителей, а нас было много, и останавливаясь на каждом. У меня, восьмилетне-

го ребенка, брал интервью лучший ведущий страны – Владимир Молчанов. Его очень интересовало почему-то, что я думаю о жизни в этой коммуналке, о своей детской жизни с родителями и о жизни России в целом. Странное интервью длилось долго и снималось в несколько дублей. Говорил Молчанов и с остальными жильцами.

Но вот, когда я затаил дыхание и уставился в экран, на нем возник черный занавес, за которым открывалась странная студия, посреди которой на стуле сидел бородатый мужчина в очках и с гитарой. Он запел хриплым голосом песню «Черный пес Петербург», и внутри меня все упало. Целый съемочный день в нашей огромной, двадцатипятикомнатной коммунальной квартире на Васильевском острове обернулся тем самым кадром на кухне, где все, застыв, стоят перед столами, как будто их фотографируют. Кадр длился несколько секунд и вряд ли представлял не только художественную, но вообще хотя бы какую-нибудь ценность.

Шевчука я слушать не стал: мой Петербург никогда не был черным псом, это сравнение наводило и до сих пор, с той самой картинкой из детства, наводит на меня оторопь. Да и вообще, я жил еще в Ленинграде, как, думаю, и вся наша коммуналка. Которая так и осталась в Ленинграде: и сейчас, проходя по Большому проспекту, я вижу на окнах пожелтевшие буквы SALE. Квартиру расселили ближе к концу девяностых, а найти новых обитателей оказалось не так уж просто.

Программа «До и после полуночи» с тем просмотром закончилась для меня навсегда. А вот другую, «600 секунд» Невзорова, я, наоборот, полюбил. Конечно, никто не хотел увидеть съемочную бригаду в нашей квартире из-за специфики передачи, но едва она начиналась, шумные кухня, длинный коридор и даже вечно занятые туалеты – пустели. Мне кажется, так происходило во многих квартирах. Программу «600 секунд» любили. Наверное, за то, что она показывала, что где-то есть жизнь еще страшнее.

Вдохновленный телепередачей, я рисовал босые ступни ног, выглядывающие с лестничного пролета: мне казалась ошеломительной операторская съемка с нижних ступеней, постепенно приближающаяся камера, открывающая, наконец, пытливого взгляду зрителя свежее испеченного мертвеца, павшего в какой-то низшего уровня бандитской разборке. Говорят, Невзоров удивлял всю Европу, делая предсмертные интервью: совал микрофон под нос хрипящему бандиту с вывороченными кишками, и тот умирал, как бы сейчас сказали, онлайн. Не знаю, не видел. Быть может, меня уберегли от этих кадров заботливые родители, переключая на «Спокойной ночи, малыши» с разрекламированного советского фильма ужасов «Люми».

В его рекламе воплощался весь страх советского человека, потерявшего Родину и ориентиры в ирреальном пространстве: горящий то ли автомобиль, то ли танк, за давностью лет не помню, вываливался из телевизора прямо в ком-

нату сидящих перед экраном обывателей. Реклама фильма хорошо иллюстрировала состояние самих обывателей: в их размеренный, добрый, уютный мир врываются демоны. За демонов отвечал и Невзоров, и со своим «Черным псом» Шевчук. От добрых Хрюши со Степашей, как и от интеллигентного ленинградского Хохи с головой-дырявым башмаком, предложенных родителями как альтернатива аду, я уже воротил нос.

Имел, что называется, право. К своим семи несмышленным годам я уже снялся в подобном «Люми». Советский интеллектуальный фильм «Третья планета» не претендовал на звание триллера, он отсылал к Тарковскому и Стругацким, а потому так и остался на полках «Ленфильма». Впоследствии режиссер Рогожкин и сам осознал ошибку. Перестал снимать интеллектуальщину, и в его карьере сразу началась золотая эра – «Особенности национальной охоты, рыбалки и чего-то там еще» принесли ему всероссийскую славу. Мне же оставалось сожалеть, что, приглашенный на съемки следующего фильма, отказал режиссеру в категорической форме. Всему виной были комары в лесу под Ленинградом, где снимали один из эпизодов. Сколько ни пытался режиссер Рогожкин убедить меня, что кинематограф – это не только комары, я был непреклонен: взяв родителей за руки, гордо отправился домой. Благодаря чему и пишу сейчас свои повести и рассказы, а не раздаю интервью журналам для киноманов. Вроде «Сеанса» – валялся у нас дома такой. Внутри

него был постер, хотя слова этого еще не знали, с изображением плачущей Ани, главной героини фильма, и меня, который ее утешает. По сюжету Аня должна была орать нечеловеческим голосом и, утешая, я ненавидел ее и боялся.

Режиссер потешался над нами как мог. То исполнителю главной роли, мужчине за пятьдесят, не скажет про труп, настоящий, из морга, расчлененный и аккуратно упакованный в пакет, то скроет от меня, что если кинуть в кусты камень, раздастся неслабый взрыв. Чтобы быстрее бежал. Снимал он и двухголовых уродов, и натуральных психов для массовки, изображающих – осознанно ли? – зомби. Кино начала девяностых – это страх и ненависть, еще раз страх, и еще раз ненависть, но не в Лас-Вегасе, а в городе Приморске Ленинградской области, где снимались эпизоды и где жил огромный паук размером с мою детскую голову и ходил единственный автобус под номером «18».

Попасть в кино, что интересно, в те годы было очень просто: мы шли с родителями к станции «Гостиный двор», и нас окликнула женщина. Сказала, что ищет ребенка для роли в фильме, и предложила проехать до «Ленфильма». Мы думали, шутка. Думали, хочет время спросить.

Для того, чтобы спросить время, существовал специальный телефон: в Ленинграде, например, – 08. Позвонив по нему, можно было услышать механический голос, который говорил, как роботы в фильме «Гостья из будущего»: точное время столько-то часов, минут и секунд. Будучи ребенком,

а все дети счастливы и, как известно, часов не наблюдают, я долгое время не подозревал о существовании такой услуги. Пока родители не попросили узнать время, а я, перепутав, прокрутил на дисковом телефоне девятку вместо восьмерки. Ничего не подозревая, спросил у девушки, которая взяла трубку:

– Извините, а вы не подскажете, который час?

То-то было смеху у родителей!

Но когда на пятки, а затем и на глотку старому времени наступило новое, цифр после нуля стало резко не хватать. Любая захудалая, только вылупившаяся из своего кооперативного антисоветского яйца фирмочка мечтала иметь телефон на 0, но прежде всех появились 009 и 058. Первый отдали новой справочной, вроде 09, но только на коммерческой основе, и операторам старой службы стало гораздо проще работать. Все, что от них теперь требовалось, это повторять заученную фразу: «Мы не располагаем такой информацией, но можем переключить на коммерческую службу 009». На 058 девушки были куда разговорчивее, что объяснялось характером их услуг. Это был первый в городе сервис «интим по телефону». Меня и маленького Артема – кроме нас детей в огромной коммуналке не было – завораживали обнаженные красавицы, рекламировавшие эти три цифры: «Позвони мне», «Жду тебя», «Пошалим». Среди соседей ходили слухи, что примерные отцы семейств просаживали целые состояния в разговорах по страшному номеру. О чем гово-

ритель с красавицами мы, дети, совершенно не представляли. Нам просто хотелось их услышать, убедиться, что они существуют, узнать, как звучит их голос, только-то и всего. Но в трубке раздавался сухой ответ, как будто мы звонили в 09, а то и 08. Даже в 009 голоса были живее, теплее и эротичнее. Мы набирали номер снова и снова и, услышав голос, бросали трубку, пока однажды не узнали, что оплата насчитывается не за сам взрослый разговор, а за то время, что ты на линии, начиная с первой секунды. Красавицы из 058 сами позвонили, не выдержав, в нашу квартиру, и объяснили родителям, что больше не стоит их беспокоить. Почему-то они не сказали, кого беспокоить, собственно, и мама единственный раз побывала в самой дальней комнате коммуналки, напротив ванной, где изредка появлялся начинающий постсоветский бизнесмен Лева.

– Куда они могли звонить? – интересовалась мама. Мы, разумеется, не признавались.

– Не знаю, – отвечал он. – Надеюсь, не в Большой дом.

Помню, мама аж ахнула и отчего-то испугалась. А мне показалось, что под Большим домом они подразумевают публичный. Настолько, видимо, боялся, что нашу «шалость» раскроют и как они близки к разгадке. И в этот момент мне стало стыдно.

Услуга 058 рекламировалась в газетах «Калейдоскоп» и «Не скучай» – пионерах ленинградской бульварной прессы. Если не ошибаюсь, они существуют до сих пор. Помимо эро-

тических рубрик – эти статьи почему-то считались главными и часто выносились на обложку – журнал публиковал все, что могло заинтересовать простого советского обывателя, вырвавшегося из темного небытия в мир свободной информации. Здесь и дамские советы, и интервью с популярными музыкантами, и рубрика про невероятное-очевидное, и дачный уголок, и плотно уже вошедший в жизнь этого самого обывателя криминал. В журнале публиковали просто фантастические материалы, запредельность которых поражала меня, ребенка, не знающего, чем занять себя в туалете, и потому взявшему за правило прихватывать с собой «Калейдоскоп». Так, в одной статье рассказывалось, что известный выстрел «Авроры», случился по причине того, что матрос, решивший прочистить орудие, случайно сел в лужу муравьиной кислоты. Муравьи разъедают крейсер «Аврора», предупреждали журналисты «Калейдоскопа» ленинградского обывателя, и скоро от него совсем ничего не останется. Однажды я прочитал историю, на некоторое время изменившую мою жизнь: оказывается, в канализационной системе Ленинграда жили жабы-мутанты. Рассказчик на условиях анонимности поделился с «Калейдоскопом» тем, что как-то раз, когда он присел по естественной надобности, такая жаба выскочила прямо из недр унитаза и схватила его за яйца. Случай нельзя назвать уникальным, утверждали журналисты издания, скорее он демонстрирует возрастающую тенденцию. Так «Калейдоскоп» потерял одного читателя: я стал ходить в туалет

настолько быстро, что уже не брал с собой газету.

Но, повзрослев, я, конечно же, забыл ту страшную публикацию и никак не мог предположить, что спустя много лет она напомнит о себе. Тем не менее это случилось, причем весьма неожиданно – на занятиях по истории СМИ в университете. Преподаватель, молодящийся мужчина в возрасте, рассказал, что в начале девяностых, когда у интеллигентных людей было плохо с работой, он, как и некоторые его знакомые, подрабатывал в дешевых бульварных изданиях выдумыванием бредовых заметок. За них относительно неплохо платили, а отнимали они совсем немного времени. Ну, и в качестве примера, смеясь, привел ту публикацию о жабах-мутантах. Я почувствовал себя глупо, хотя как знать, сколько еще ленинградцев под впечатлением от той публикации ускорили свое пребывание в туалетах? Скольких еще он лишил размеренного сортирного чтения? Властитель дум!

Впрочем, и время наступало такое: рассиживаться в сортире было непозволительно. Чтобы жить, как любили тогда повторять все вокруг, нужно было вертеться. Дед работал на «Ленфильме» и по совместительству водителем на маленьком грузовичке, бабушка – на заводе. С приходом нового времени там начали производить кетчуп; она произносила это с горечью, пытаясь сопоставить вроде несопоставимые слова: завод, двигатели, кетчуп. Отец ходил в море из Севастополя. А я мечтал стать журналистом, вдохновленный молчановской командой. Я записал на магнитофон звук

смыва сливного бачка и сделал заставкой своей авторской радиопередачи. Ходил по квартире и брал интервью, довольно быстро надоев жильцам. В квартире оказалось всего две комнаты, репортаж из которых не получился. Секретная угловая комната, должно быть, с самым красивым видом из окна, на которой было написано «Виноградовы»; здесь никогда не появлялись жильцы. Отказалась идти на контакт и полубезумная старуха, подливавшая испражнения соседям в суп или демонстративно выливавшая их в ванную. Но я и не рассчитывал, что старуха ответит на мои прямые вопросы.

Из кухни был выход по темной лестнице в странное помещение, где сушили белье. Жильцы называли его в шутку бельэтаж; огромная комната с бесчисленными веревками, протянутыми под потолком, освещалась тусклой лампочкой и маленьким окном с видом на двор-колодец. Всякий раз, когда заглядывал в него, мне становилось не по себе. Я спрашивал: а зачем они придуманы, эти дворы-колодцы, в которые невозможно попасть, разве что из окна первого этажа? И никто из взрослых не находил ответа. Как, впрочем, на многие детские «зачем». Спустя много лет я прочитал статью о том, как вырастают дети в маленьких ленинградских комнатах, ежедневно глядя в черное нутро двора-колодца; какой неизгладимый отпечаток на них это накладывает. И понял, что счастлив хотя бы оттого, что у меня такого не было.

Была у нас кладовка; в огромной коммуналке, где все уже изучено и от всего порядком тошнит, поход туда был насто-

ящим приключением. В кладовке хранились вещи жильцов: пыльные старые книги, удивительные лампы, шкафы, видимо, заставшие девятнадцатое столетие, тетради с записями, наборы старинной посуды, потрепанная одежда и прочий банальный хлам.

Пока дед копался в своем шкафу, я от нечего делать пересматривал большие красочные журналы «Огонек». Вот серия рисунков, на которых изображено бесформенное красное существо с глазами. Называлось оно «даблоид»: солдат и даблоид, еще кто-то и даблоид. Картинки меня веселили. Вот черно-красная страница со стихами Гумилева:

*И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.*

Почему-то мне казалось, что он имел в виду что-то вроде нашей коммуналки.

На одной странице я увидел черно-белую картинку: на трибуне с микрофоном выступал отвратительный человек, урод, и он плевался в окружающих; внизу виднелись лысые отвратительные головы. Плевки были прорисованы старательно, и у читателя не должно было оставаться сомнения: их хватит на всех. Юмор же заключался в подписи к картинке: «Плюрализм мнений». На момент выхода журнала это было, видимо, новое популярное слово. Очевидно, высмеивались какие-то конкретные люди на определенном историческом

отрезке; те люди уже ушли, да и отрезок кончился. Дед уже ушел по своим делам, а я все стоял в пыльной кладовке, куда едва пробивался свет, и смотрел, замороженный.

Нашу огромную комнату с высоченными потолками дед сделал двухэтажной, здесь были и прихожая, и маленькая кухня, и деревянная лестница, ведущая в спальню под потолком. Оттуда было интересно наблюдать за взрослыми, которые сидели возле телевизора по вечерам или занимались обыкновенными делами. На тумбочке возле моей кровати всегда стояли любимые игрушки, и они были, как мне теперь кажется, типично ленинградскими: трамвай, заботливо склеенный из деталей, и метрополитен. Это звучит удивительно, да я и сам удивляюсь сейчас, вспоминая его, и сожалею, что он не сохранился. Метрополитен представлял собою механизм с тремя застекленными окошками-станциями. Нажатием кнопки можно было запустить поезд, ею же останавливать, когда тот прибывал на станцию. Желаящим беспредельничать можно было не останавливать поезд, заставляя его проезжать все три станции до бесконечности. Игрушка была незатейливой, но чем-то притягивала, не давая оторваться. Я играл в нее много времени, и всякий раз с удовольствием.

Взрослые поднимались на второй этаж только перед сном, чтобы сразу лечь. Лишь однажды его использовали не по прямому назначению – в памятном 1993 году. В один из дней в квартире начался переполох, все кричали, что нужно пря-

таться: по Большому проспекту идут танки, и скоро начнется война. В квартире зашторили окна, погасили свет, мне говорили, что нужно лечь на пол верхнего этажа и, затаив дыхание, лежать там. Я лежал в обнимку с метрополитеном, пока не надоело. Почему-то я был убежден, что никакой войны не будет, что она не может просто взять и начаться, к ней нужны приготовления. И не понимал, что это они и есть.

А вечером все о войне забыли. Бабушка рассказывала сон: будто бы мы на даче, я принес воды из родника, гуляю, ем клубнику, она накопила картошки и отдыхает возле крыльца, рядом дедушка пилит доски. На этом рассказ прервался, и я нетерпеливо дергал ее:

– А дальше? Что дальше? История-то где?

Но бабушка объясняла, что это все. Истории никакой не будет. В ее снах все было мирно, привычная обстановка и родные люди рядом – вот составляющие ее идиллии. Историй ей было не нужно.

А тем временем вся наша жизнь становилась историей. Трамваи ходили редко, и до Садовой приходилось идти пешком, летом это была приятная прогулка. На Садовой находился обменный центр: бабушка хотела распрощаться с комнатой и получить квартиру в новостройках. Она приходила в скучное здание, где были расставлены друг за другом длинные столы и люди перебирали карточки, что-то выписывая. Бабушка проводила там долгие часы, а я слонялся от безделья по этажам. Мне было совершенно непонятно, чем она

там занимается, в чем смысл просиживать в этом здании драгоценные дни, когда можно проводить их куда интереснее. Гулять в Юсуповском парке, сидеть на маленьком островке, окруженном водой, и кормить уток; что могло быть прекраснее кормления уток свежим батоном? Но бабушка упрямилась: она тащила меня за руку в обменный центр. «Чтобы нам было лучше жить», – коротко объясняла она и погружалась в бумаги. Я брал в руки газету, такую же скучную, как весь этот центр, как бабушкино занятие, как и вся моя жизнь в те часы, и читал по слогам: «Со-бач-ка-о-бе-ща-ет». Окружающие почему-то смеялись.

– Гражданка, правильно ваш мальчик мыслит, – обращались к бабушке веселые мужчины, и та, наконец, замечала меня.

– Собчак, а никакая не собачка. Где ты увидел собачку? – спрашивала она.

Для меня было труднопроизносимым слово «Собчак», мне не давалось понимание его смысла. Я уходил блуждать по коридорам скучного здания. Однажды заметил на подоконнике трехлитровую банку, в которой барахталась мышь – настоящая, серая, крупная. Она судорожно перебирала лапами, пытаясь удержаться на плаву. Вокруг странного зрелища собрались люди. Один, словно организатор представления, наклонялся над банкой, заглядывал в нее, крутил, поворачивал.

– Мышь поймали, – отвечал он на немые вопросы со

странной гордостью в голосе.

– И что теперь?

– Ей надоест, и она утонет, – пожимал плечами человек.

– Отпустите ее, – сказал я, и народ зашептался. Кто-то поддержал идею, кто-то нет. Мнения разделились.

– Ты смеешься, что ли? – сказал человек. – У нас и так полон дом мышей. Скоро на голову прыгать будут. Теперь их не травит никто, сами справляемся.

– Ну, а почему таким-то способом? – робко спросил кто-то.

– Так это... – замялся человек. – А каким еще?

Я отошел от них: делать среди этой публики было нечего. Они смотрели, как барахтается мышь, и, когда надоедало, расходились. Вода – не сметана, из нее, как в известной сказке, масла не взобьешь. Итог мышиных стараний был предрешен. В каком-то смысле и мы, ленинградцы, оказались в положении той мыши: новое время заключило нас, простых обитателей легендарных василеостровских коммуналок, в банку и наполнило ее водой.

Но мне было еще слишком рано унывать. Мы с дедом и бабушкой брали корзинки, садились на трамвай «шестерку» и ехали на Финляндский вокзал. Там привычно покупали «Сникерс» или «Баунти», газетенку «Не скучай» или какое-нибудь дешевое чтиво в дорогу, сенсационно разоблачающее коммунизм; этим были завалены все прилавки, а что не умещалось на них, разносилось активными и нацеленными

ми на успешные продажи менеджерами по вагонам: «Вниманию уважаемых пассажиров!» Мы ехали под Выборг, на дачу.

Впереди были прогулки за грибами в лес, купание в озере, уютные вечера вдаль от большого города. Наступали выходные.

Молча слушаешь транзистор

Мой дом носил номер 13. Дом был в самом центре Севастополя, на центральном холме.

Дом двухэтажный: на первом этаже размещались две огромные квартиры в шесть или семь комнат, имевшие выходы как на улицу, так и во двор. На втором были две квартиры – одно- и двухкомнатная, с балконами. Балконы и окно комнаты имели вид арки, скруглялись наверху. Потолки были высокие.

Кухня выходила во двор, вернее, на крышу с трубой. Под крышей продолжалась длинная квартира соседей снизу, из нее был виден уголок двора: квартира № 5. Она располагалась в отдельном доме из пары комнат, но почему-то числилась под «нашим» номером. Пятая квартира была недружелюбна: с ее жителями никто не общался, да и сложно было понять, кто там жил. Для остальных жильцов дома я какое-то время делал рукописную газету «Дом 13 и другие». Жительнице квартиры напротив нравилось.

По крыше бегал наш кот Тимофей, грелся на солнце, затем стал уходить все дальше, пока один псих не перебил ему лопатой хвост. Отлежавшись, Тим ушел, чтобы пропасть уже насовсем.

Войти во двор можно было, открыв калитку, – она закрывалась «туго» и «не очень», я любил выбирать первый режим, что бесило соседей. Рядом с калиткой росло вишневое дерево, за ней – абрикосовое. Едва заслышав скрип, заливалась лаем соседская собака Агата. Дверь во двор у соседей снизу – из их кухни – всегда была открыта, и, идя в школу и обратно, я вдыхал ароматы борщей, жареной картошки, мяса... Во дворе росли цветы и полезные овощи, лопались алые помидоры, зрели огурцы.

За соседней дверью был вход в наш подъезд – на две квартиры второго этажа. Вечером над ней зажигали лампу. В углу сидели пауки, застывшие в паутинах, – они казались мне страшными, ведь я был маленький, десяти лет. На втором этаже, развернувшись, можно было увидеть широкое окно с треснувшими грязными стеклами – за ним никто не ухаживал из-за труднодоступности. В окно виднелась стена напротив дома – следующая улица шла выше, и оттуда, с высоты, проглядывался наш двор. Впрочем, там была какая-то закрытая территория. По стене ползли улитки и ящерицы.

Выйдя на балкон, я неспешно обозревал улицу – по ней мало кто ходил, домов напротив не было, только узкая дорожка с толстой трубой, вдоль которой росли орехи и несъе-

добные ягоды, дальше – такой же обрыв. Там – главная улица Севастополя. Засыпая, я видел фонарь напротив большого арочного окна, слышал стрекот насекомых, видел черные звезды вдалеке. Ни машин, ни дворового шума, ни дорожных работ, ни пьянства. Тихо, безмятежно, прекрасно тихо.

На улице были мастерские художников, здание Союзпечати, которое я излазил вдоль и поперек, задние двory Главпочтамта, местного кинотеатра и грузовой лифт кафе. Несколько жилых домов, в одном – бородатый старый художник, любитель котов, в другом – пожилая пара: еврейская бойкая бабушка и ничего не понимавший, вечно с открытым беззубым ртом дед, в третьем – приятель Денис, мальчик моего возраста, в четвертом – возрастные дебилы, вяло пытавшиеся то дружить с нами, то пугать, в пятом – кот Петроний, победитель международной кошачьей выставки, про него телевидение приезжало делать сюжет...

Улицу пронизывали лестницы, вдоль которых тоже встречались дома – мы лезли туда за терпкой шелковицей. Пять минут вверх – и ты на главной смотровой площадке, где лучше всего видно все городские салюты. Пять минут вниз – и ты у моря, в Артиллерийской бухте, слушаешь плеск волн. Магазины «Золотой Ключик», «Черноморочка», «Источник», «Огонек», «Мелодия», молочный, хлебобулочный, кафе «Снежинка», что там еще?..

Дом снимали в позднесоветском или ранне-постсоветском фильме «Прощение», но, к сожалению, в кадр попали

лишь маленькая незначительная его часть и кусок улицы.

Именно тогда была на пике популярности песня Варум «Городок», и именно с нашим домом ассоциировали ее все, кто жил в нем. Там было не так, как в песне, но в принципе близко к этому. Сложно слушать эту песню сейчас.

Есть и другие песни, которые навсегда привязаны в моем сознании к жизни в этом доме, его атмосфере, и которые я до сих пор не могу воспринимать отдельно от него – например, Евгения Осина.

Я смотрю на картину Вячеслава Забелина «Теплый вечер» – точно так же выглядели и арка, и калитка. Сейчас моего дома нет. Его давно выкупили, дав родителям взамен квартиру, и неплохую вроде, но все это совсем не то. Дом снесли, а двор... Кусок двора отчего-то остался, калитку сломали, а вот ворота едва затронули – их часть со второй, неработающей калиткой, ведущей теперь в никуда, так и осталась. Иногда я прихожу на эту улицу, и мне хочется, чтобы там был этот дом, иногда он мне снится. Снится как финальная сцена «Сталкера».

Я хочу проснуться. Господи, я хочу проснуться там.

С тех пор я жил много где. И никогда я не жил в таком месте, которое было бы мне хоть немного, хоть капельку приятно. Я не скучаю по детству – не считаю этот период жизни лучшим, оно не было ни особо счастливым, ни особо интересным. Я скучаю по дому. Я хотел бы жить в этом месте и в сорок, и в пятьдесят, и в восемьдесят лет. Я считаю, что

именно так должна быть устроена человеческая жизнь, а не все эти девяти-, двенадцати-, шестнадцатизэтажки, не бесконечные клоповники, гадюшники и человеяники. Да, мое желание можно назвать скромным, непретенциозным, лузерским (хотя попробуй его исполни) – сегодня мечтают о семидесятих этажах, о великолепных видах на огни большого города, о стеклянных стенах, о квартирах, не отличимых внешне от коворкингов и креативных офисов. Да я и сам понимаю, что тот дом не предел мечтаний – ведь есть же дома без соседей, дома у моря, хорошие, красивые, комфортные частные дома. Я бы, наверное, выбрал их, а не тот дом.

Но, ей богу, я верю – история всегда циклична, – что настанет время, и придут поколения, отрицающие все эти ценности высоты, пустоты, мобильности, динамичности, коливинга, бесконечных перемен и обновлений, что люди захотят тихих улиц и дворов, захотят балконов, захотят абрикосов и вишен возле калитки, лампы над дверью и паука в углу. Перестанут расти ввысь новые вавилоны – в каждом дворе, на любом мало-мальски пустом клочке суши, – и будут уютные улицы из низких домов, будут на крышах коты и трубы. И настанет теплый вечер, и зажжется фонарь напротив окна в спальню. И на моей улице будет праздник.

Только меня самого там не будет.

Опубликовано в журнале «Дружба народов»

(2021)

Контуры и лица

Небольшая реакция на небольшое кино

Сюжет достаточно прост: в полутемной и полупустой комнате молодой человек, терзаемый, очевидно, душевными переживаниями, наливает себе алкоголь, неспешно отхлебывает из стакана, вздыхает, закусывает. Дверь открывается, входят двое, в титрах обозначенные как судебные приставы и произносят небольшую речь, которая и объясняет волнения персонажа: за совершение «антисоциальных деяний» тот приговаривается к «высшей мере наказания», затем немедленно приступают к исполнению приговора: при помощи не особо понятного аппарата клеймят приговоренного странным узором на пол-лица и, не особо прислушиваясь к дальнейшим причитаниям, исчезают.

Смысл клейма, как и самого наказания, герой постигает быстро: выйдя на улицу, он замечает, что окружающим отныне до него нет никакого дела: его обходят стороной, в глаза не смотрят, в контакты не вступают. Надпись по центру экрана оповещает внимательного зрителя о том, что страдать герою подобным образом остается 12 месяцев. Телефон внезапно исчезает из зоны действия всех сетей, в забегаловке его кормят кашей с кетчупом, но это единственный социальный процесс, к участию в котором он допущен. Встреченный случайно лучший друг торопится уйти, попытки смыть клей-

мо водой и кровью безрезультатны в равной степени. Гуляя по городу и набредая на гопников, глумящихся над прекрасной девушкой, тот разбирается со шпаной и предлагает спасенной себя. Но, увидев лицо спасителя, красавица скрывается так быстро, что даже забывает сумочку. Слепой бродяга в забегаловке – и тот, узнав от повара о том, что собеседник клеймен, плюет с досады и уходит прочь.

Проходит время, и приставы с помощью той же машинки быстренько – чик, и готово – снимают печать позора с лица героя, и вот он, счастливый, прикупает бутылку вискаря, но по пути к внезапно объявившимся друзьям встречает ту красавицу, что спас от хулиганов, клейменную и пристающую к прохожим: «Я же есть. Взгляните на меня». Выбор героя непрост, все ж таки друзей не видел целый год, но, согласно логике развития сюжета, очевиден: в финале мы видим его обнимающим бедную девушку среди равнодушной толпы.

«По контуру лица» – кино явно не для кинотеатров. И даже не для DVD, на которых, тем не менее, издан. Да и по сути своей это не кино вовсе – а ролик, из тех, что смотрят в маленьких окошках в обеденный перерыв в офисе. Человеку раз в день необходимо поржать, и раз в день – погрузиться о чем-то высоком. Беда только, что длинный, но на то есть и кнопка пауза, и функция сворачивания окна.

Фильм работает по следующей схеме: то, что в реальной жизни невозможно, в нем происходит без лишних объяснений, но в сочетании с соответствующим звуковым сопровож-

дением, которое, кстати, как цветок к небу, изо всех сил тянется к Клинту Манселлу (культовый Requiem For A Dream), немедленно проецируется в собственный, личный мир зрителя, и дальнейшее развитие сюжета происходит уже там – внутри вас, поэтому не имеют никакого значения ни бюджет ролика, ни декорации, ни хреновая игра актеров. И вот теперь это не абстрактный Дима, а именно вы, Дмитрий такой–то, супервайзер мерчандайзеров или, скажем, торговый агент, никогда не задумывавшийся об истинной ценности общения, наказаны одиночеством на целый год. Вы не замечаете людей вокруг себя, вы не цените, что ради вас делают, да-да, вы, сотрудница ресепшн фирмы по продаже потолков. Так посмотрите, как ваша жизнь изменится, если сделать вам одну милую татушечку. И Дима встает и выходит курить, нервная безымянная сотрудница ресепшн наливает зеленого чая с жасмином, и мысль кипит: «Да, вот мы какие... А вот оно как... Мы то, мы это... А вот если..., то что тогда?» И, конечно, оба умиляются прекрасной истории любви, красивому happy end.

Но вот Диме звонят заказчики, первая линия, вторая, третья, в бухгалтерии уже тоннами валяются факсы, и к вечеру ролик забыт. Может, в метро сидящий напротив чем–то напомним экранного Диму, или ту девушку, но мысли–то, мысли уже о другом. А ежели пятница, то и не напомним. К утру же следующего дня экспериментальный фильм режиссера Павла Смирнова, снятый по мотивам рассказа Рэя Бр-

эдбери, раскрывающий тему сохранения человечности и сострадания отдельного человека в роботизированном мире, будет забыт навсегда.

Но вот бывает же так, когда видишь по телеку какую-нибудь чушь и уже палец на кнопке, готовый решительно переключить канал, и в последнюю долю секунды – вдруг заинтересуешься. Или, захлопывая книгу, которую уже похоронил мысленно, вдруг натыкаешься на интересное предложение. И то, что казалось таким поверхностным, открывается с самых неожиданных сторон.

Сидящие перед мониторами абстрактные сотрудница reception и супервайзер определенно принадлежат к той категории населения, что принято называть *losers*, неудачники. Однако мыслят они в категориях успеха, стремятся к успеху и все явления в жизни, а также людей привычно оценивают в плоскости успешности-неуспешности. Экранный же Дима, судя по интерьеру помещения, в котором мы застаем его в начале фильма и некоторым скудным сведениям, получаемым из разговора с другом Саней (общий бизнес), определенного успеха в жизни достиг. И вот, посредством некоего мистического действия общество переводит его в категорию неудачников. Названные в фильме приставками – скорее каратели: они исполняют приговор общества, то есть они и есть общество, которое записывает в неудачники несчастного Диму.

Расплывчатая формулировка «антисоциальные деяния»

в этой ситуации и не нуждается в конкретике, она значима сама по себе: антисоциальные – значит идущие вразрез с общественными представлениями о том, каким надо быть и как себя вести. Вероятность того, что Дима бил, к примеру, стекла в электричках или выкрикивал националистические лозунги, невелика: скорее всего, в чем-то его поведение или взгляды разошлись с принятыми в том community, где он в силу своего статуса вращался, а именно этого общество не прощает никогда. А может быть просто партнеры по бизнесу его «кинули», сфабриковав вдобавок левое обвинение.

Так или иначе, в начале фильма мы видим магический обряд присвоения отдельно взятому человеку статуса loser. Важная деталь – личности исполнителей, эта линия в фильме, несмотря на кажущуюся второстепенность, определяющая: безразличные к судьбе приговоренного, приставы обсуждают сексуальную жизнь, которая у одного из них, по собственному признанию, зашла в тупик: жена выражает крайнюю степень недовольства. Выслушавшего с большим вниманием собеседника в финале картины (через год, стало быть) мы видим в компании этой самой жены. «Я уже месяц не изменяла», – теперь уже жалуется она, на что получает ответ: «А зря». Так зрителя подводят к мысли о морали общества, которое оценивает и клеймит отдельно взятых личностей (подразумевается, что в этом обществе измены осуждается, хотя в отдельных семьях это уже давно не так, поэтому, возможно, стоило бы подобрать более точную иллюстра-

цию).

Все, что мы видим дальше – это странствия неудачника по миру тотального позитива. Общество может простить человеку многое; непримиримое к изъяснам оно, тем не менее, даже слепого ставит в иерархии на ступень выше неудачника. Неудачник – это дно, это прокаженный, его избегают, боясь заразиться его неудачей – а вдруг и твое лицо после встречи с ним преобразится, и жри тогда кашу с кетчупом, да пиши на бумаге стишки дурацкие, посвященные той, которую никогда не встретишь – потому что ты неудачник, детка, *why don't I kill You?*

Неудачник может быть симпатичным, он может быть добрым, может быть смелым и сильным – все это не важно, важно только одно – он неудачник. Каким-то отдельным действием он способен удивить, впечатлить, обрадовать. Спасенная девушка удостоит героя вниманием – выслушает и поблагодарит. Но она его не полюбит, потому что – печаль. Печаль неудачника. Девушка тоже, кстати, выдалась символичная – фотограф, представитель самой позитивной, наверное, профессии, заглянувшая в спальный район – поглазеть, видимо, как «быдло жрет свое повидло». Она ловит мгновения в объектив, она любит жизнь и не знает печалей; в ее картине мира и неожиданные нападавшие, и неожиданный спаситель – одно и то же, между ними нет разницы.

Нет разницы и в том, как именно, благодаря чему – своим ли силам, стечению обстоятельств или загадочному при-

бору по нанесению-снятию татуировок человек становится неудачником и перестает им быть. Обществу не важен процесс, для него есть только момент – как для того фотографа – миг, в котором ты сейчас. Перестав быть неудачником, герой снова нужен друзьям – без объяснения причин, где они были весь год, просто так: «Приезжай, будет весело». Теперь Димка снова с нами, давай, набирай Димку. А вот у девушки-фотографа не покатило что-то: так еще бы, фотограф нынче каждый второй. К ней, записанной в неудачницы, теперь даже и шантрапа из спального района не притронется.

И если бы Дима, допустим, нажрался-таки в день «освобождения» вискарем, и встретил девушку уже на следующее утро, он вряд ли подошел бы к ней. Но он еще помнит, *как это*. И он подходит. Вот только никакая это не история любви, в этой финальной сцене нет любви вообще ни капли, любовь – это другая галактика для мира, в котором слово «Привет», сказанное человеку, сопровождается истериками и слезами благодарности в грязном снегу, на коленях. Любовь – это запредельная, недостижимая величина, которая настолько далеко, что о ней никто и не помнит.

Поэтому фильм не о любви совсем, как, может быть, многим хотелось бы думать. Фильм об одиночестве, в первую очередь – об одиночестве общества, где корпоративная этика выше морали, поэтому в нем нет лиц, а есть только контуры.

Опубликовано в интернет-журнале «Контекст»

(2011)

Младший брат Петербурга

Город Омск летом

Я прибыл в Омск ночью, и, проезжая по улице Карла Маркса в сторону центра, не знал, конечно, что эта улица – одна из главных в городе. На перекрестках пару раз увидел драки, на остановках – людей с суровыми лицами и намерениями, ожидающих в такое время суток явно не общественный транспорт, и в большом количестве – служителей порядка: тут и там милицейские авто, да и сами они рядом, проверяющие у кого–то документы. Это не преувеличение и не реверанс в сторону актуальной нынче почему–то темы «гопоты», просто иных горожан я в ту ночь не встретил, и мое знакомство с городом осталось именно таким.

Первым впечатлением дня, вполне возможно, окажется пыль. Это если вы приезжаете летом, конечно. Пыль здесь везде, но в отдельных районах ее особенно много: при малейшем ветерке не знаешь, куда спрятать лицо. А жители в разговорах на эту тему непременно вспоминают, как в советское время Омск носил титул «город-сад». Будем объективны, те времена давно в прошлом.

Почти что половину города занимает частный сектор – с преобладающими деревянными домами без лишних удобств. На внешне одинаковых улицах, даже названных одинаково: с нумерацией не только домов, но и самих улиц:

так, на карте Омска 10 Восточных улиц, 11 Ремесленных, 14 Чередовых, 30 Рабочих, 37 Северных, 25 – просто линий, а таких улиц, которых по две или три – так и просто тьма. Зато есть улица, состоящая из одного дома, причем под номером 3 (Чехова) – тоже своеобразное достижение. Но вернемся в частный сектор – окажись мы на любой, к примеру, Северной, неизменно увидим печальную картину – число потребителей тяжелых наркотиков в городе велико, и жизнь представителей этой прослойки общества неприглядна. К тому же протекает она на виду у здесь же играющих детей, сажающих цветы за оградой домохозяек, выпивающих небольшими компаниями рабочих, казахов, коих здесь немало (Омская область граничит с Казахстаном). Мусор выкидывают здесь же, на дорогу, потом сжигают вместе с травой, поэтому то тут, то там – костры. По нескольку раз в день отправляются жители этих мест за водой с 40-литровыми флягами, кто-то выводит на выгул гусей и уток, кто-то выносит магнитофон и просто курит, уставившись вдаль. Жизнь здесь никуда не спешит. Снять подобный дом без удобств на месяц – тысячи две рублей. Ну, может, три. Но особую яркость в эту картину вносит то обстоятельство, что если свернуть, скажем, с 7-й Северной на любую пересекающую улицу и пойти по ней в сторону уменьшения номеров, то через пять минут вы окажетесь в самом центре города.

Здесь, конечно, уже другая картина. Архитектура не просто напоминает питерскую – она питерская и есть: архитек-

торы, строители – питерские. Кое-где Омск напоминает Питер целыми улицами, и в том, что многие именуют его «младшим братом Петербурга», есть своя правда, разумеется, если мы ведем речь не о частном секторе или Левобережье (спальные районы). Да и по возрасту оно так – Омск уже в предвкушении празднования 300-летия, которое Питер отмечал, кажется, еще вчера. Кстати, культурная столица тоже. Сибирская. Об этом горожанам не дают забыть многочисленные плакаты и рекламные щиты соответствующего содержания. В Омске более 10 театров, в первую очередь, конечно, головкружительной красоты Драматический, третий в России по посещаемости. Совсем рядом – Успенский кафедральный собор, внесенный в каталог мировой храмовой культуры, пожарная каланча возле здания Главпочтамта и футуристический Омский Торговый центр – один из новых символов города, построенный в 80-х, опять-таки теми же питерцами.

Сам центр Омска очень мал, и обойти его весь можно за полчаса, но здесь все, чем гордится город, и гордится, надо сказать, по праву. Собственно, это и есть – Омск. Здесь он начинался, с Омской крепости на берегу Иртыша, где проводятся нынче свадьбы, и по традиции все молодожены проходят через крепостные ворота, символизирующие, очевидно, ворота в рай совместной жизни. Место слияния Оми (или Омки, как ее еще называют) и Иртыша, где и расположена Омская крепость, интересно само по себе – контрастом рек:

коричневые воды маленькой Оми не растворяются в голубых иртышских, а граничат с ними ровной линией.

Напротив крепости, как раз через коричневую Омь – еще один символ города, теперь уже девяностых – черного цвета шар диаметром 7 метров, с росписью по периметру, названный «Держава». И самый удивительный, наверное, памятник Достоевскому, тоже здесь – сама фигура писателя производит впечатление как будто падающей лицом вперед. Достоевский, впрочем, Омск не жаловал; будучи там в ссылке, в письмах называл «гадким городишкой». И популярную в народе расшифровку названия города как «особое место ссылки каторжных», по слухам, тоже он придумал. Но он там был – и этого достаточно для улицы, памятника, университета его имени.

Еще есть вокзал – один из самых уютных (я раньше и не предполагал, что понятие уюта применимо к вокзалам) в России, и самый красивый – точно. Есть метромост без метро. Есть арена «Омск», где выступает самая посещаемая хоккейная команда России – «Авангард». Как противоположность ей по уровню игры и любви народной – футбольный клуб «Иртыш», единственный клуб России, выступающий на крытой арене. Еще – невыносимая жара летом. В Омске самое большое количество солнечных дней в году, больше только у Ялты и Краснодара, я тоже сильно удивился, когда это узнал.

Люди города Омска? В общественном транспорте не от-

делаться от ощущения, что тебя рассматривают. Причем не только тебя. Почему–то долго и напряженно люди смотрят друг другу в глаза – такого я не замечал ни в одном городе. Но в общении приятны, центр у всех один, и люди самых разных взглядов и интересов собираются там вечерами. Мое первое впечатление так и осталось там, в той ночи. Возможно, потому что я мало бродил по окраинам ночью, и знаменитый на весь город своей криминальной жизнью цыганский микрорайон Порт-Артур так и не посетил – не было надобности. А в городке Нефтяников (так называется микрорайон), к примеру, на главной улице по три ломбарда в каждом доме – круглосуточных причем. Все для ночной жизни местной молодежи – я сразу представил, какой здесь круговорот краденых гаджетов.

С развлечениями в городе не то чтобы плохо, но... (театры не охарактеризуешь просто как «развлечения», именно здесь Омск на высоте). Если клубы, то либо те, что кратко характеризуют как «гламурные», либо заведения для любителей пива и шансона, либо нечто подобное школьным дискотекам. Тематических мест нет, нет live-площадок для живых выступлений, кинотеатров несколько, но репертуар в них одинаков – то, что в Москве шло две недели назад; про всякий там арт-хаус я вообще молчу. В принципе, есть пиво – очень много сортов. Живое пиво здесь на каждом углу, недорогое, самое разное и действительно очень вкусное. Есть пляж на Иртыше, там загорают, но купаться не советуют.

Торговые центры кажутся пустыми, средний уровень жизни в городе невысок: большинство живет 8-10 тысяч в месяц, за зарплату в 14 держатся (на момент написания материала – *Авт.*). Я, опять-таки, не склонен к преувеличениям. Впрочем, в самих торговых центрах тоже не все ладно: в одном из них я обнаружил обувной магазин «Мартышка» с вывеской «бутик модной дамской обуви» и фотографией натуральной обезьяны на каком-то пляже. Супермаркет «Супермаркет» (сеть!) тоже, наверное, призван отражать здешнюю тягу называть вещи своими именами. Книжных магазинов много, в том числе общероссийских сетей, но ассортимент существенно отличается от того же питерского – уклон в сторону ширпотреба, причем сильный. С прессой совсем плохо – местной почти что нет, из федеральной преобладают сборники кроссвордов. Интересно проходит празднование дня города в первое воскресенье августа (что зачастую приходится на день ВДВ – совпадение удивительное и в чем-то прекрасное) – основным мероприятием традиционно считается бег по Красному Пути (улица такая) в сторону центра. Участвуют все желающие.

Егор Летов, ставший в нулевые фигурой культовой в среде не только панков, но и интеллектуалов, в городе Омске вообще никому не нужен. Проживший в этом городе всю жизнь и не давший в нем ни одного концерта, под конец жизни он купил квартиру в поселке Чкаловский в обычной многоэтажке, да там и умер. Это событие тоже осталось практи-

чески незамеченным в самом городе, многие вообще не знают, кто это такой – Егор Летов. Между тем, это единственный не просто культовый, но и вообще известный омский музыкант. Популярен рэп-коллектив ГРОТ, чей трек «Алко-тестер» стал гимном радикального движения «Русские не бухают» (или что-то в этом роде), известного избиениями попивающих пивко в общественных местах. Тоже известность, и, хотя участники ГРОТа утверждают, что такого эффекта не добивались, сам текст песни кричит об обратном. Говорят, просто безысходность достала – все или бухают, или колются, здесь беспросвет, и Омск – это дыра. Зато отсюда много актеров театра и звезд спорта, и среди них много наших современников.

Может быть, так популярен здесь бег, что столь ощути-ма общая атмосфера какого-то безвременья. Регион небогатый, но в то же время город Омск не производит впечатления унылой российской провинции. Молодые омички – девушки, как правило, сочетающие в себе твердость характера и неописуемую красоту, уезжают, не видя возможности реализовать себя на родине. Большинство, кстати, в Питер – к «старшему брату».

Рабочие едут в Новосибирск, или в Тюменскую область – на заработки. Те, кто остается здесь, зачастую подолгу не находят себя. Но все соглашаются, что это сейчас так, что у города есть будущее, что есть все предпосылки к развитию, просто сейчас – город стоит. Многие связывают это с

политикой, проводимой местными властями. Но ощущение это висит в омском воздухе – время как будто остановилось. Может, перед тем как однажды пойти с бешеной скоростью? В генеральном плане развития Омска и реконструкция дорог (кстати, с ними в городе беда), и строительство школ, больниц, и открытие ветки метро, ледовых дворцов, домов творчества, а как самое главное – возвращение статуса «город-сад». Так что это пока, в ожидании, город страшит приезжающих ночью, и удивляет на следующий день.

Удивляет своими контрастами. Здесь все друг от друга неотделимо, как коричневая река от голубой: высокая культура и низкий уровень жизни, большие надежды и разочарования, восхищение своим городом и скука, красота и неприглядность – все это живет рядом; порой достаточно просто свернуть с одной улицы на другую и пройти по ней пять минут. А вот что пишет ученица шестого класса на победившем сочинении об Омске (проводится такой ежегодный конкурс сочинений среди участников школ, как, наверное, и в любом другом городе): *«Наш Омск красив сегодня, а завтра станет еще краше. Когда на новые строительные площадки явятся упрямые и веселые люди – строители – и воплотят свои проекты в чудесную явь нового Омска – еще более прекрасного и более любимого мною».*

Город ждет.

Опубликовано в интернет-журнале «Перемены.ру»
(2012)

Бог ведет свой блог

О раннем этапе программы Михалкова «Бесогон»

Авторитетнейший человек от искусства, обладатель статуэтки «Оскар» и двух «венцианских львов», всемирно известный режиссер стоит, обдуваемый ветром, на фоне белых стен Кремля и произносит речь, в которой извиняется перед интернет-юзерами ideliob8 и «реснючка» (на слух не воспринять, как это правильно пишется) за то, что своевременно не смог им ответить. «Сегодня родительская суббота, – упоминает в обращении режиссер, – Я хотел съездить на кладбище, но не мог не выйти к вам» (Съемка происходит глубоким вечером). Этим, а заодно и всех остальных интернет-юзеров он просит быть снисходительными и помнить, что чисто физически невозможно заниматься постоянным обновлением своего блога. В чем воспаленном воображении мог родиться подобный сюжет? Кто автор этой дурной пародии? В каком параллельном мире, на расстоянии скольких световых лет от нашей Земли это все происходит?

Никакого воображения нет, и реальность самая что ни на есть наша, родная, привычная. Перед нами Никита Бесогон – режиссер Михалков в своей новой ипостаси: интернет-блоггера. «Не хочу писать,» – заявил Никита Сергеевич, объясняя, почему его блог будет наполняться исключительно видео-обращениями. На сегодняш-

ний день (на момент написания материала – *Авт.*) в блог nikitabesogon.livejournal.com выложены восемь роликов, объединенных названием «Бесогон-ТВ». Большинство из них являются собой заснятого на видео Михалкова, неспешно повествующего о той или иной спорной ситуации, связанной с его персоной.

Признаться, выбором никнейма Михалков демонстрирует чертовски хороший стиль: лично я, узнав о событии (главный режиссер страны начал общение с пользователями интернета, с народом, иными словами – это, безусловно, событие), ощутил чуть ли не чувство восторга от того, насколько точен и безупречен Никита Сергеевич даже в такой (для личности его масштаба уж точно) мелочи, как псевдоним в Интернете. Невозможно представить себе вариант лучше, «Бесогон» идеален – Михалков поясняет, что выбрал такой никнейм в честь своего небесного покровителя, Никиты Бесогона, но уже во втором выпуске своего «телевидения» не удерживается и объявляет Бесогоном себя. Что и понятно: пришел гнать мелкого беса из мелких пакостников, язвительных и хамовитых сетевых комментаторов.

Каждый ролик «Бесогон ТВ»-серии начинается демонстрацией регалий – кинематографических премий, сопровождаемой пафосной величественной музыкой. Статуэтка «Оскар» в кадре все время, на ее фоне и вещает Никита Бесогон. Говорит он таким образом, чтобы создавалась видимость того, что он хочет расположить слушателя к себе, од-

нако тон поучительный и при освещении особо острых вопросов – не терпящий возражений. Придуманную им концепцию общения (не характерную, согласитесь, для ресурса livejournal) он называет диалогом, однако в обсуждениях nikitabesogon не участвует, а просмотр видеоролика – увлекательное, конечно, занятие, но никак не форма диалога. Решается вопрос обратной связи так: голос за кадром зачитывает избранные вопросы от юзеров с упоминанием их никнеймов, затем следует обстоятельный и неспешный ответ мэтра.

Вопросы предсказуемые и повторяющиеся те, на которые Михалкову приходилось не раз отвечать и за пределами интернет-пространства: все о той же мигалке, о письме Путину, о «барском стиле» самого Никиты Сергеевича. Но некоторые ответы довольно неожиданны: вот как он объясняет, к примеру, свою подпись под обращением к Путину с просьбой остаться на третий срок: «Мы часто подписываем то, что даже и не читаем». Завершается чтение челобитных (именно так воспринимается диалог в михалковской версии, ей-богу) изрядной порцией юмора: некий пользователь Заднепроходов интересуется, когда Никита Сергеевич будет президентом России. Заигрывая с именем нелепого инетчика, призванным подчеркнуть (видимо) абсурдность вопроса, Бесогон отвечает: когда Задний проходов станет Передним. Усмешка в усы, и лишь за ней – смех съемочной группы. Если Михалков и вправду считает ЖЖ-общение сатанизмом

(в одном из выпусков он вскользь упоминает этот термин), то выпуск «Бесогона» №3 – видимо, его личный вклад в процветание этого явления.

Пара выпусков «Бесогона» посвящены теме перевираания слов Михалкова отдельными личностями и крупными СМИ – Никита Сергеевич называет это мастер-классом. На тему «Как делать неправду». Приводятся в пример «Вести-ФМ», неверно трактовавшие позицию Михалкова по японской трагедии как божью кару, постигшую население этой страны за их грехи. Сама речь Михалкова, от которой отталкивались журналисты, была запутанной и, вероятно, сложной для восприятия некоторыми людьми, которые на Михалкова и накинулись. Скорее всего, никто намеренно не желал извратить слова режиссера, а неверная трактовка была вызвана именно непониманием этих слов. Речь, признаться, впечатляет: в ней он обвиняет человечество в потере уважения к божеству, в наплевательском отношении к миру и к себе, вспоминает о миллионах людей, у которых вопрос «Как жить?» стоит впереди вопроса «Зачем?». Говорит и о кинофильмах, производство которых поставлено на поток – где убивают сотню людей, и никого не жалко. Упоминает Достоевского – тот «написал 500 страниц о том, как молодой человек убил бабушку, и какие потом душевные переживания испытывал». Однако злобный интернет-юзер, как всегда, оказался излишне внимателен к деталям: не вдаваясь в суть речи, он оценил комичность ситуации: Михалков включает те-

левизор и, ритмично покачиваясь в кресле, смотрит на самого себя. Тут же понаделали скриншотов, всяческих нарезок, и понеслось со скоростью клика по рунету с тегами «ржака» и «бугага» то, что режиссер задумал как восстановление священной правды. <...>

Я не берусь оценивать личность Никиты Михалкова вне контекста его ЖЖ. Кажется, что господин Бесогон пришел в этот монастырь со своим уставом, полностью наплевав на правила и условности сетевой жизни. С таким никнеймом и интерьером студии своего «телевидения» он может себе это позволить. Вопрос только один: зачем? Это одинаково непонятно как в случае, если блог – тотальный стеб над сетевым народом (кстати, в пользу этого предположения говорит и недавний хит Контakta – рассказ Михалкова о том, как он однажды накурился гашишом: разве не учитывал он, рассказывая эту историю, какой ей обеспечен резонанс в сети?), как и в том, если это действительно серьезная попытка настроить диалог (так, как он его понимает). Все эти «реснички» и Заднепроходовы – зачем они оскароносному режиссеру? Интересуют ли они все его на самом деле? Какое место в его жизни они все занимают? Ведь сам же говорит в одном из выпусков: зачем мне кому-то что-то доказывать, зачем мне казаться кем-то. А, Никита Сергеевич?

Но Никита Сергеевич Михалков вряд ли расскажет, что в детстве, «как и все», кидался с пятого этажа презервативами, наполненными водой, и наблюдал, что будет. А вот гос-

подин Бесогон – запросто. Хотя, конечно, необычное занятие для тех лет и той страны, в которых проходило его детство, тем более – для сына автора государственного гимна. Но сказал и сказал. Может, именно в этих словах зашифрован секретный ответ: зачем ему все это надо. Может, весь этот блог и есть такое развлечение – «игрушка», наполненная водой и сброшенная на бедные головы интернет-юзеров с одной-единственной целью: посмотреть, что будет?

Хотя, конечно, необычное занятие для человека его возраста и статуса.

(2011)

Человеческий компостер

О менеджере, расстрелявшем коллег

Многое сказано об отважном поступке Дмитрия Виноградова, сумевшего философски переосмыслить действительность и преодолеть в себе человеческое. В частности то, что офисная жизнь, беспощадная и бессмысленная, сама порождает подобных героев. То, что ненавидят – в открытую или втайне – дорогих коллег подавляющее большинство людей, причисляемых к т.н. «планктону». Но это все не о том.

«Родство» нашего лирического героя с Брейвиком – первое, о чем поспешили заявить все журналисты, блогеры и даже некоторые «специалисты». В обоих случаях массовое убийство было использовано как реклама, пиар-ход в поддержку некоего «манифеста» (у каждого свой, в силу различия интеллектуальных способностей персонажей).

Андерс Брейвик, человек здравого ума и холодного рассудка, вряд ли вообще осознавал себя как террориста, а свою акцию как террористический акт. Когда, словно грибы после дождя, повывскакивали в соцсетях группы в поддержку героя, руководимые истинными патриотами России, я, конечно, ознакомился с трактатом Брейвика о новом образе Европы-2083 на сумасшедшем количестве страниц. И вот к какому выводу пришел: никогда те же самые патриоты, да и вообще никто другой не узнали бы о том, что есть такой

Брейвик и тем более какая-то Доктрина-83, и не было бы ни групп этих, ни обсуждений. Поэтому, понимая свою работу как нечто главное для себя и необходимое людям и отчаявшись донести до них другими способами, Брейвик разработал такую вот рекламную концепцию, промо-мероприятие, презентацию, если хотите, трейлер.

Мы давно живем в эпоху, когда все способы привлечь людское внимание задействованы, и тысячи так называемых креативщиков днями и ночами трудятся над тем, как придумать новые. ТВ-реклама, соцсети, интеграции, спам-рассылка, btl в местах продаж, приглашения в группы – все это много раз уже было, будет и есть. Брейвик показал, как можно расширить эти стандартные представления. Уделал всех рекламщиков и всех креативщиков. Остается высказать ужасную мысль: сколько людей родились в этот мир просто для того, чтобы стать участниками рекламной кампании Брейвика и больше ничем. В промо-мероприятии классического формата это все-таки не столь отчетливо заметно.

Убийство, теракт – пока еще действенные рекламные ходы, и они определенно будут использоваться снова, когда очередной хороший «автор» не найдет себе «издательства», а также способов достучаться до потенциальных поклонников своего таланта. Правда, такая «рассылка» подобна спаму, но количество лайков на официальных страницах упомянутых мыслителей, увеличивающееся на несколько тысяч в день, свидетельствует, что и спам порой бывает эффективен.

Эти лайки вообще – феномен. За ночь, прошедшую с момента трагедии, около тысячи человек добавились убийце в друзья, еще четыре тысячи выразили «сердечную» признательность за содеянное: им понравилась фотография, где философ сидит в каком-то заведении фаст-фуда со стаканчиком кофе. За последующие дни количество подписчиков росло в геометрической прогрессии, хотя ведь очевидно было, что обновления на этой странице появятся очень и очень нескоро. Мысль о таком количестве фанатов представителя офисного сверх-плантона внушала ужас – по крайней мере, лично мне. Но вскоре ужас сменился осознанием того, что русский обыватель ставит лайки автоматом, не вникая в подробности и уже через пару минут забывая о том, что же только что лайкнул.

Никто не поддерживает и не осуждает Виноградова, его страница в соцсети стоит в одном ряду с другими новостями, картинками котиков и наркотиков, свежими фотками с митингов, дамской поэзией и новыми фотоотчетами с Доминиканы или Пхукета. Виноградов в этом ряду особо не выделяется – знаете, поставить лайк не такое уж трудное дело, а человеку приятно. Ибо лайки ставятся в нашей стране так же, как делается вообще очень многое: согласно принципу, который по-простому называется от нех** делать.

И вот тут-то Брейвик заканчивается. Поклонники лирического героя поспешат меня одернуть, но есть сильные подозрения, что и сам Виноградов совершил свой поступок

именно по этой же причине: от нех** делать. И манифест свой написал от нех** делать тоже: ну чем в четыре утра парню заняться? Есть анекдот такой: от нех** делать ученики написали в раздевалке школьного спортзала «Физрук – козел». Физрук увидел да и всыпал всем по первое число. Мораль: если тебе нех** делать, так ни х** и не делай. На Виноградова вот не нашлось своего физрука. А нех** делать – это очень мучительное чувство, подавляющее большинство нашего населения подтвердит.

Ну не жизнь была у человека, а одна работа. После работы возможно пиво, возможно спортзал. И в том, и в другом случае разговоры со скучными людьми о скучных вещах: о той же работе, о футболе, может быть, о пробках на дорогах, может быть о том, как все достало: кругом пидарасы, хачи, жлобье. Коллеги вот, дегенераты. Обычный человек их терпит, называет «очень интересными людьми», потому что круг общения обычного человека очень и очень узок, выбирать не из кого, а «очень интересных людей» хочется. И Виноградов, видимо, терпел. И его терпели, везде и повсюду так. И так целых пять дней в неделю, а потом выходные, маленькая радость утра пятницы и вселенская вечерняя тоска: все скучные развлечения, доступные low-middle классу, испробованы, исчерпаны, и ничего не хочется, и совсем нех** делать. Совсем. Реклама, которую сделал себе Виноградов посредством выбранного занятия (в отличие от Брейвика) – это реклама уныния, отчаяния и бессцельности. Она совер-

шенно по-русски бессмысленна, и на алтарь этой жуткой, ледящей бессмысленности положены жизни людей.

И еще одна важная деталь. Человек, использовавший от-
вратительное слово «компост», которое (в четыре часа ночи
сознание вообще искажено), должно быть, ставило его в соб-
ственных глазах в один ряд с более успешными философами,
так вот... этот человек был влюблен. Должно быть, именно
это и вдохновило его на решительный шаг. Нет, любовь не
была причиной действия (причина – выше), она лишь ста-
ла катализатором, побудительным мотивом. Чего не сдела-
ешь ради любви? Ради любви человек способен горы свер-
нуть, вообще-то. Помнится, теракт на станциях метро был
тоже совершен из-за любви: юная террористка мстила за
своего избранника, с которым разлучили злые люди: жизне-
утверждающий портал life.ru растиражировал их трогатель-
ное совместное фото. Ну, просто разум помутился от любви.
А разве любовь может быть судима? Вы человек без сердца,
если скажете, что так.

Я закрываю за собой дверь в ванную комнату и выключаю
свет. Она домывает на кухне посуду, я подхожу к ней и об-
нимаю сзади. Она улыбается и отвечает мне поцелуем, она
ставит последнюю чашку на стол и выключает кран. Повора-
чивается ко мне.

– Завтра поедem, выберем подарок, ладно?

Я вспоминаю, что на выходных мы приглашены в гости к
давним друзьям, по случаю дня рождения – уже давно никто

не встречается без «случаев». Я и забыл об этом, к стыду своему. А она молодец, помнит.

– Пойдем спать, родная. Завтра в восемь приедем, после работы. У меня уже план созрел, расскажу завтра. Пойдем...

В постели мы проводим некоторое время в тишине. У нее на груди ноутбук, и она листает страницы. Я ворчу, но знаю, что надо: она тяжело встает по утрам.

– Сообщение Надьке допишу... И все, ложимся.

Краем глаза смотрю на друзей в ее социальной сети:

– А это кто? Что-то не помню в друзьях у тебя...

– А, это Димка. Дмитрий. Я рассказывала тебе про него. Он такой, очень странный, конечно. Приходит такой, говорит: «Доброе утро, коллеги!» И долго смотрит тебе прямо в глаза. Пристально так, не по себе становится.

Я пару секунд смотрю на аватарку – человек сидит где-то, пьет кофе. Будто на меня смотрит. Хм, и действительно пристально.

– Виноградов... Хм. Да уж. Юрист ваш? – зеваю.

– Ну да, говорила же. Ладно, – она обнимает меня, монитор медленно гаснет. Становится тихо. Скоро будет полгода, как мы вместе.

– Как я жила без тебя раньше? – шепчет она, – Я хочу, чтобы так было всегда.

Я проверяю будильник: у нее завтра важный день. Да и у меня... непростой. Ничего. Мы переживем все трудности.

– Спи, дорогая.

Я закрываю глаза.

*Опубликовано в интернет-журнале «Перемены.ру»
(2012)*

Сделали все, что хотели

Об убийстве Деда Хасана

Событие недели – безоговорочно, убийство авторитета, человека с большой буквы Деда Хасана. Настоящее имя этого персонажа мне незнакомо, для написания этой заметки я даже не стану искать в гугле. Оно, в общем, никому особо и не интересно, имя это. Никому не кажется удивительным, что в крупнейших СМИ страны эта новость идет первой полосой. Россия как была, так и остается бандитской страной – и дело здесь не в том, что «бандиты у власти», я не отстаиваю это убеждение, а в том, что бандиты по-прежнему вызывают симпатию в простом, полубандитском, «приблатненном» народе, и новости об авторитетах, тех, кто «поднялся», всегда будут волновать его сильнее многих прочих.

Если спроецировать первополосную новость главных СМИ страны на уровень какой-нибудь районной газеты маленького города, можно представить материал о разборках вернувшегося с отсидки какого-нибудь Баркаса и держателя пары кафешек на окраине Шамиля. Там свои герои, принцип – один.

Подобные новости больше не маскируются рубриками «Криминал», «Полицейская хроника» и т.п., это – главные новости столицы, государства. В течение недели. И точка. Да и какая это полицейская хроника? Полиция если что и узна-

ет об этом «деле», так только из тех же СМИ. Видели рекламу-подколку «Ведомостей» в сторону ИД «Коммерсант», о том, как никто ничего не решает, пока не прочтет их газету? Вот, в нее и слово «полицейские» вполне себе органично впишется.

Убийство Деда Хасана – это наша жизнь. Наши новости. Наша, если хотите, история. Молодая женщина, случайно оказавшаяся в эпицентре события, находится без сознания, на аппарате ИВЛ, после потери 4,5 литров крови. Поставим и этот материал, если останется лишняя тысяча знаков. Врачам «удалось сделать все, что хотели», говорит директор медучреждения.

(2013)

Незабываемые встречи

Маршрут реалиста на «Ночи музеев»

Интерес человека к самому себе становится признаком наступившего десятилетия (на момент написания 2010-х – *Авт.*). Реалии повседневности торжествуют в литературе: так называемые новые реалисты сегодня оставляют далеко позади специалистов по экспериментам с «телом текста» и мистиков, на государственном телевидении диктует моду Гай-Германика с «Кратким курсом счастливой жизни», среди театральных постановок самые полные залы собирают те, что «на злобу дня». Причем в большинстве случаев это не именно что «злоба», а беспристрастное, микроскопическое наблюдение. Группы в социальных сетях, посвященные случайно подсмотренным во время прогулки по городу сюжетам, собирают тысячи подписчиков, не отстают от них и те, что обращены в прошлое: ретро-фотографии обычных людей, о которых мы никогда не узнаем, городские виды, интерьеры жилищ.

Уже не просыпается, а всюю бодрствует интерес к своему прошлому: причем, не к тому «великому», официально-патриотическому, а к самому простому, бытовому: как мы жили, как мы живем? Ведь без этих вопросов не найти ответа на самый главный, интересующий каждого: как мы будем жить? Как высказался однажды в «Русском журнале» писатель Сен-

чин: «Много раз приходилось встречать в отзывах о книгах, фильмах слово «бытовуха». Его употребляют неизменно в отрицательном смысле. Дескать, не стоит читать, смотреть; это не стоит внимания. Для меня же такая характеристика – повод читать и смотреть».

Заручившись этим принципом, я отправился по «Пути реализма», как сам для себя его обозначил, в рамках прошедшей в Москве «Ночи музеев».

Вообще, невозможно было пройти этот путь за один день: выбор площадок, предлагавших взглянуть на реальность, застывшую в предметах быта или воспетую в искусстве, был столь же велик, сколь и труден. Но среди них присутствовали и такие, посещение которых интересующемуся реалисту было нельзя пропустить. Музейно-выставочный институт русского реалистического искусства (ныне экспозиция закрыта – *Авт.*) – одна из них. Погружение в советскую и постсоветскую реальность, застывшую на трех этажах некогда фабричного здания – good trip для реалиста начала «десятых». Оно происходит немедленно и без прелюдий – экспозиция открывается гигантскими полотнами с изображением Сталина: вот дети счастливой страны поздравляют вождя цветами, а вот уже сам вождь поздравляет неизвестную девушку – картина названа «Незабываемая встреча». Путешествие по эпохе продолжается картинами жизни писателей, спортсменов, простых советских семей, влюбленных и одиноких людей, строителей коммунизма и, собственно, самих

строек. Экспозиция расположена на трех этажах: что символично, путешествие в более позднее время подразумевает спуск вниз – в верхнем зале выставлены культовые соцреалисты, в нижнем – продолжатели реалистического направления, изобразившие день сегодняшний. Конфликты поколений, семейные драмы, алкогольное одиночество и вымирание деревни соседствуют со вполне мирными пейзажами, все теми же весной, солнцем и ощущением, что на третьем этаже уже их видел в точности такими же: а между ними эпоха. Свой взгляд на искусство гостям выставки демонстрировал художник Дмитрий Жилинский, известный тем, что внес в «суровый стиль» 60-х романтические краски. Кредо Жилинского «Всех, кого пишу – всех люблю». Того же стоит пожелать и всем, кто захочет посетить выставку: любовь – необходимая призма, сквозь которую стоит смотреть экспозицию, если хотите, очки 3D для сурового и местами жестокого двухмерного пространства нашей жизни.

В выставочном зале Московского союза художников также были представлены реалисты, но с важным уточнением – «романтические». Все больше закаты над озером, леса, колокольни, умиротворенные деревни и натюрморты. Видимо, лучше всего романтический эффект достигается отсутствием человека: никаких тебестроек, никаких городских окраин. Концентрированные вечные ценности.

Для тех, кому визуального контакта с советской действительностью недостаточно и хочется большего, приготовил

специальную программу «Пересветов переулочек». В выставочном зале на Кузнецком мосту к эпохе можно было даже прикоснуться: в рамках «Ночи музеев» любой желающий мог поучаствовать в своеобразном «обмене валюты», получив один советский рубль за 50 современных российских, а также угоститься в стилизованном советском буфете. Те же, кто хотел вступить с ушедшим столетием в совсем уж интимный контакт, отправлялись в экспозиционно-мемориальный отдел музея современной истории России на Делегатской: ведь здесь прошлое в буквальном смысле «ожило». Им предстояло путешествие вдоль расположенных друг за другом (как в магазине «Икея») восстановленных с первоизданной точностью помещений, характерных для каждого десятилетия: пролетарские жилища соседствовали с рабочими кабинетами высших чиновников, интеллигентские кухни с секретной лабораторией НИИ, типичный номер гостиницы «Россия» с типичной же гостиной новостройки конца 80-х. «Эффект присутствия» обеспечивало театрализованное представление: так, 90-е были представлены с типичным для тех лет юмором сценой покупки «выродковой» шапки на вещевом рынке и инсценировкой популярных анекдотов про новых русских:

– Так это Страдивари для лохов скрипки делал, а для нормальных пацанов – ба-ра-баны!

Окружающих переполнял восторг.

– Как я люблю девяностые, – шептал один студент друго-

му, – Конечно, мы были бы там лишними, но... Какое же было время!

Завершалась экскурсия типичной квартирой-студией современного middle-класса, с соседствующими на полках иконой и томиком Мураками, под жалобные сигналы робота-пылесоса, требующего подзарядки.

Любознательные студенты и молодые семьи – главная аудитория таких экскурсий. Те, кому довелось пожить и состояться как личность в ушедшей эпохе, не склонны ее идеализировать. Поэт-реалист, человек-глыба Владимир Высоцкий навсегда останется для них символом сложного и неоднозначного времени. На спектакль, посвященный Высоцкому, выстроилась такая очередь, что камерный зал Музея Высоцкого на Таганке просто не способен был всех вместить. Под затихающее надрывное «Очень нужен я там, в темноте» в зале действительно стало темно, и начиналось действие для избранных. Счастливчикам зачитывались воспоминания о Высоцком, полные трепетного восхищения, звучали его песни и стихи. Девочки с подготовительных курсов выходили из зала зевая, но люди постарше закрывали глаза и внимали дорогим сердцу звукам.

Исполнители сетовали на распространенное мнение, что «перестройка началась сверху» и напоминали, что именно с Высоцкого и преданных ему людей начались необратимые преобразования в стране. Сокровенное «Они ничего не могли с нами сделать» произносилось полупшепотом, а солидар-

ность внимающего зала вызывала стойкое ощущение: и при живом Высоцком было в точности так же. Вокруг большого таланта всегда выются преданные поклонники, посвящающие годы, а то и жизни на воспоминания о своем кумире; и это был их праздник. Праздник для людей, навеки оставшихся в том времени: но настоящий, живой, теплый праздник. Завершался он показом фильма Петра Буслова «Спасибо, что живой», но очереди к тому времени, конечно, рассосались.

Те же, кто не готов мириться с советской эпохой ни в каком ее проявлении, собирались в общественный центр имени другой культовой фигуры, академика Сахарова. В тех самых «Сырах», которые увековечил другой реалист, Лимонов. Экспозиция «Путь Гулага» также бережно хранит для нового поколения предметы того времени, но уже совсем другие – бытовую утварь заключенных, лагерные заметки, таблички с надписью «Выхода нет»; и все это в сопровождении хронологии протестного движения в СССР, вплоть до последней даты «Развал Советского Союза».

Публика, склонная считать нынешнее время логическим продолжением этого репрессивного маршрута, собралась в сквере неподалеку послушать современных музыкантов, выражающих протестную позицию. «Вокруг все так необычно / Год за годом, мода за модой. / Но нас не возьмут с поличным, / Им не расшифровать наших кодов», – это песня группы из Воронежа. Зрители вяло аплодируют, что принуждает

ведущего концерта импровизировать: «Наверное, вы долго тренировались». В перерыве между выступлениями он объясняет собравшимся значение слова свобода:

– Свобода – это когда ты можешь выбирать, какую тебе музыку слушать, какие фильмы смотреть, на каком самокате ездить. Свобода – хорошая вещь. А вам она нравится?

На этих словах я вспомнил цветы для Сталина, «Незабываемую встречу», бесконечные лица людей на суровых и строгих картинах, пролетарские комнатухи и интеллигентские кухоньки, с надеждами или без в глазах, покупку «выродковой» шапки на развале, кредо художника Жилинского, и вот это еще... «Они ничего не смогли с нами сделать». Логическая цепочка замкнулась. Праздник реализма удался. Воспользовавшись своей свободой, я незамедлительно отправился домой.

Опубликовано в интернет-СМИ, которое не сохранилось
(2012)

Крестики б*** иконки

О проекте Максима Марцинкевича «Тесак против педофила»

Камера – одно из самых страшных изобретений человечества. Благородные «мистеры Ферсты» (помните, так звали персонажа Андрея Миронова из старого фильма «Человек с бульвара Капуцинов») открутили свои добрые пленки и откланялись. На смену их пленкам пришла цифра, а вместо них самих на сцену вышли многочисленные «Секонды», видящие назначение съемки в том, чтобы сеять вражду и раздор. Феномен человека с видеокамерой, снимающей нападение дикого зверя на коллегу, жестокого побоища на автотрассе или истекающего кровью полутрупа, умирающего от пулевого ранения в больнице (это не «от фонаря» взятые примеры, подобное видео легко найти в том же Контакте) уступает по своей дикости лишь феномену смотрящих эти записи и ставящих под ними лайки: видео с отрезанием голов солдатам в Чечне, девушкой, попавшей под поезд метро, самосожжением ветерана войны, пользуются необъяснимо высокой популярностью. Еще одно подтверждение давно известному факту, что прогрессивная общественность предпочитает Интернет телевидению: и вправду, куда ТВ до подобных «реалити» со своим «Брачным чтивом» или «Вечером трудного дня» (популярные на момент написания мате-

риала программы – *Авт.*). Особую нишу среди предлагаемой «жести» занимают неигровые унижения людей: к тому же, теперь это стало доступно, стильно и весело. Для всех, кроме самих участников, центральных персонажей новой передачи.

Впрочем, и им предоставляется выбор: между цифровой камерой и тюремной. А все потому, что люди эти особенные – педофилы. Интервьюировать представителей этой не самой публичной категории общества и выкладывать получившийся эксклюзив на просмотр взыскательному зрителю вызвался видный борец за чистоту расы Максим Марцинкевич, более-менее известный как Тесак. Свое юмористическое шоу ведущий назвал «Оккупай-педофиляй», с тонким намеком на среду, в которой, по его мнению, чаще всего встречаются потенциальные герои передачи.

Сюжет передачи строится на том, что педофил получает на сайте знакомств приглашение встретиться от мальчика или (в редких случаях) девочки лет 13-14 и, приезжая, попадает в засаду: творческий коллектив передачи, состоящий из Марцинкевича, его «боевой подруги», нескольких крепких парней с видом откровенных гопников и случайных зрителей, внесших по тысяче рублей в фонд шоу – в основном, обнимающихся парочек не старше 19, увлеченных правыми идеями. Педофил может быть пойман в ванной, в парке, в ресторане, возле станции метро. Тесак любезно предлагает провести с ним интервью, сопровождаемое легкими

ударами, тычками и подзатыльниками. Завершается шоу поливанием мочой главного героя, а то и предложением выпить этой мочи для «исцеления» и «искупления грехов». Нетрудно догадаться, чем грозит участнику отказ от этого предложения.

Содержательно все интервью мало отличаются одно от другого: ведущий, старательно изображая крайнюю степень заинтересованности, расспрашивает о детстве педофила, его сексуальном опыте и прошлых похождениях, о планах на конкретного ребенка, который присутствует тут же и неизменно подтверждает грязные намерения дяденьки. Не забывает поинтересоваться и политическими взглядами гостя программы – за Путина тот или Навального. В обоих случаях педофил оказывается политическим оппонентом ведущего, поэтому в некоторых программах можно увидеть некое подобие дискуссии. Марцинкевичу важно узнать, как «оппонент» относится к алкоголю и курению. Впрочем, последнее и так ясно: ведь во время интервью нервным гостям не запрещается курить (не в студии же проходит запись), чем большинство из них пользуется.

Говоря о задачах проекта, Тесак упоминает очищение и оздоровление общества. «Сломать жизнь» конкретному педофилу, заставив его продемонстрировать в камеру паспорт и назвать место работы, порой удается, но в собственных интервью Максим признает, что за все время существования передачи не только количество педофилов не умень-

шилось, но и некоторые из них умудрялись попасться дважды! Выбрав цифровую камеру, в подавляющем большинстве случаев гость программы действительно избегает тюремной, возвращается домой и вспоминает о произошедшем как о неудаче, успокаивается и продолжает поиск «партнера». Зачем же существует неэффективный проект, не дающий никакого результата?

В игровой форме Тесак обличает пороки не столько самого педофила, который «неисправим», сколько общества в целом. Достается и либеральной общественности, представители которой не считают для себя зазорным и на митингах обличать правительство, и растлевать малолетних мальчиков, совмещая в себе «совесть» нации и главную ее «боль». Нынешнюю власть, лицом которой является полиция, мы видим в кадре: проверив документы у педофила, и выслушав практически «железные» доказательства его вины, служители порядка разворачиваются и уходят – максимум, требуют прекратить съемку и разойтись, не нарушать общественный порядок.

С особым наслаждением подвергается издевкам православная вера – практически все педофилы называют себя верующими, крестятся и клянутся Богом, утверждают, что ходят в церковь. Выяснение этих обстоятельств происходит обычно следующим образом: «Есть православная атрибутика?» – гневно вопрошает Тесак, глядя на педофила, копающегося в кошельке. «Что-что?» – переспрашивает тот напу-

гано. «Ну, крестики, блять, иконки» – раздраженный непониманием, Тесак повышает голос. Абстрактному зрителю он адресуется единственный, не проговариваемый, но очевидный вопрос: «С кем вы? Выбирайте сами».

Задавленный осознанием того, что вся окружающая действительность – сплошные фальшь, безразличие и педофилия, абстрактный зритель должен сделать единственно верный выбор – поддержать Тесака. Который не лишен, кстати, обаяния, в отличие от остальной компании со-ведущих. К примеру, милой девушки-блондинки, присаживающейся рядом с педофилом, откровенно наслаждающейся своей сексуальностью и демонстрирующей в камеру практически обнаженные ноги. Издеваясь над педофилом, она спрашивает его: «А я тебе нравлюсь? Хотел бы меня?». Один из бритых парней, гогоча, приносит бутылку «оздоровительного напитка», который только что «приготовил» в соседней комнате; Тесак открывает ее и обливает гостя. Милая девушка смущенно улыбается.

В разговоре с педофилом Марцинкевич постоянно подчеркивает дистанцию: «Ну я–то нормальный». Выпытывая подробности сексуальной жизни героя программы, непрерывно стучит тому по лбу резиновым фаллосом, спрашивая: «А **зду лизал когда–нибудь? После минета целовался?» В случае положительных ответов компания, включая девушку, неистово ржет: по мнению собравшихся, объяснение, почему очередной персонаж встал на путь педофи-

лии, найдено. «Мы-то **зду не лизали,» – звучит в какой-то из программ, и становится ясно: перед нами люди, которым можно доверять. А возрождение нации уж как-нибудь да устроят.

Пьянство и курение, по мнению Марцинкевича, также непременно ведут к педофилии. Ибо «вседозволенность». И вот этот знак равенства, который подчеркивается в каждой передаче, наводит на мысль, что проблема растления малолетних взята Тесаком как повод для подачи своего агрессивного послания зрителям: «Мы и до вас доберемся». И нет никакой гарантии, что арсенал эксплуатируемых школьных методов решения вопросов ограничится этими «Ты че, педофил?» и «Ты че, пидарас?». Ведь есть еще «Ты че, в очках, самый умный да?», или «Че, говоришь, денег нету? А если найдем?» При всей неприязни здорового человека к явлению педофилии, стоит признать, что способ противодействия ему, выбранный участниками шоу, слишком уж отвратителен, а то и опасен. Между тем, свои, аналогичные программы создают поклонники Тесака в регионах, и если в московском шоу акцент сделан на юмор, то в провинциальных выпусках исключительно на силовой прессинг.

Эффект от «воспитания здорового общества», которым занимаются Тесак и компания – обучения несовершеннолетних детей матерной ругани и наслаждению от унижения людей, а заодно и прививания им сомнительных ценностей, пропагандируемых ведущим – более чем спорный. Причем

речь идет не только о детях, играющих «живца», на которого ловится дяденька. Десяткам тысяч зрителей по ту сторону экрана вряд ли больше двадцати, и, будучи формально совершеннолетними, большинство из них не такие уж и сформировавшиеся личности.

Имеет ли защитник здоровой нации адекватное представление о своей аудитории? Накурившись в подъезде спального района, мальчики и девочки, на словах увлекшиеся радикальными взглядами, а на деле не имеющие о них даже толкового представления, показывают на современных мобильных устройствах развлекательное видео Тесака. И ржут над педофилами, попавшими к веселым правым ребятам. Не потому, что те педофилы, а потому что они слабые «задроты», над которыми издевается компания сильных. После прочтения хотя бы сотни комментариев к любому видео серии «Тесак против педофила», не избавиться от мысли, что не только своим героям развлекательная передача «ломает жизнь». «Защищая» этих парней и девчонок от «дяденек», что предлагает в ответ Тесак? «Не быть педофилом» – это не единственная характеристика, позволяющая человеку называться Человеком. Это вообще более чем странная постановка вопроса.

Волнует ли это самого Тесака? Как и любого ведущего развлекательного шоу, думаю, что нет. Если абстрагироваться от содержания его программ, по форме они – классические репортажи с места событий и интервью. Второго

больше. Имея за плечами достижения (пусть и оценивать их можно по-разному) в других сферах деятельности, Тесак предстает перед нами как классический журналист. Недаром многие «дяденьки», даже осознавая непростую ситуацию, в которую попали, проникаются жанром интервью и начинают доверительно беседовать с внимательным ведущим, рассказывая подробности своей жизни и тезисы мировоззрения, используя обороты «Ты знаешь», «Видите ли», «Как вам сказать...» Даже легкие побои и не раз упомянутая моча не перебивают ощущения живого, настоящего интервью. Тут – то и становится очевидным, что никакого воспитательного момента здесь искать не нужно: он изначально не заложен в жанр. Как не ищут его в «Большой стирке», ну или в интернет-программах типа «+100500», к которым «Оккупай – педофиляй» эстетически все-таки ближе, да и аудитория у них, как ни крути, почти одна (На момент написания текста российский сектор Youtube находился фактически в зачаточном состоянии – *Авт.*)

А значит к борьбе с педофилами на камеру никаких вопросов быть не может. Кроме одного, как и в случае с любым шоу: смотреть или не смотреть? – личный выбор каждого. Мне, например, хочется, чтобы никогда не существовало ни героев этой передачи, ни ее ведущих, ни тех, кто смотрит ее, комментирует и ставит лайки. И это мое мнение лишний раз подтверждает, что журналистский проект Максима Марцинкевича удался. Что он успешен.

Но камера придумана, чтобы снимать другое. От этой мысли никак не отделаться.

Опубликовано в сокращении в деловой газете «Взгляд»
(2013)

Не время для драконов

О рэн-баттле Оксимирона и Гнойного

Признаюсь, меня удивило и возмутило присутствие новости про баттл Оксимирона и Гнойного в топе Яндекса. Да, новость хорошая, интересная, спору нет, но неужели в стране не происходит ничего другого, более важного, заслуживающего большего внимания? Все-таки место таким новостям в специализированном сегменте. В то время как топ Яндекса – это что-то вроде программы «Время», это официальные новости страны. И начинать их с баттла? Мне кажется такое неприемлемым.

Во-вторых (а может, даже и во-первых), вызывает раздражение сам по себе информационный повод: не «Гнойный победил Оксимирона», а именно «Количество просмотров баттла превысило... (и стабильно возрастающее числовое значение)». В мире, который формируют эти новости, важны не смысл и не качество, а количество просмотров – в погоню за этим показателем давно выродилась работа редакторов и журналистов всех современных СМИ. Именно в таком мире, где наивысшим показателем ценности чего-либо является количество просмотров, приходится жить, ведь других вариантов нет. В мире, где «кто-то посмотрел что-то такое-то количество раз» – главная новость нескольких (!) дней подряд. В мире, где со страниц любых СМИ и инфор-

магентств на тебя ежедневно вываливаются новости, начинающиеся со слов «в соцсетях». Хотя никто не ведь не тащит в информационную повестку то, что написал на заборе хулиган Вася, или в дневник, что хранит под подушкой, 15-летняя Маша, или разговор соседей на лестничной клетке во время перекура – а ведь явления-то одного порядка.

Жить в таком мире, повторяюсь, приходится, но все это кажется глубоко неправильным.

Сразу оговорюсь, что не собираюсь заниматься морализаторством по существу самого события – я могу послушать рэп и делаю это иногда с удовольствием. Правда, ни Оксимирон, ни тем более Гнойный в круг моих музыкальных интересов никогда не входили. Ни одного трека Гнойного я так и не нашел, у Оксимирона слышал один альбом, тот самый, что в итоге назвали «дешевой литературой в мягкой обложке». Рэп-баттл – это по-своему интересно, талантливо и содержательно. Дело в другом. Приходится признать – и признать с явной горечью – что действительно есть и в этой новости, и в невероятном (как нас убеждают) количестве просмотров и реакции на нее, да и в самом содержании битвы нечто выводящее ее за пределы рэп-пространства прямо в рубрики «Общество», «Психология», «Культура» и подрубрику ее «Литература» в частности.

«Во всем вашем человечестве мне интересен только один человек – я, то есть. Стою ли я чего-нибудь, или я такое же дерьмо, как некоторые прочие?» Возможно, именно с таким

зарядом выходил на бой Гнойный, он же Соня Мармеладова, он же Слава КПСС. Во всей этой завершившейся истории интересен только один аспект – поражающее воображение восприятие медийными персонами и обычными сетевыми обывателями того, что сотворил на баттле Гнойный, как победы. Причем победы блистательной.

Дело в том, что на этом баттле у его участников были совершенно разные задачи.

Первое, что бросается в глаза – три разных никнейма Гнойного, никак между собой не связанные – он словно жонглирует ими, выбирая наиболее соответствующий моменту и настроению. Это создает ощущение неуловимости, обтекаемости: сегодня он один, завтра другой, и все время *он – это он*, и в то же время *он никогда не он*. Так же, как и с именами, Гнойный поступает со словами – главным оружием вышедшего на баттл-арену. Игра словами не выглядит виртуозной, но каждое соответствует моменту и соответствует даже не самому сопернику, а стереотипам, которые шлейфом тянутся за соперником (ведь творческий путь Оксимилона куда длиннее аналогичного маршрута Славы КПСС). Гнойный понимает, что победить нужно в первую очередь не самого Оксимилона, а тех, кто изначально ему симпатизирует, находится на его стороне – а не победить, так хотя бы заткнуть. Не Оксимирон проиграет, а судьи (в широком смысле – зрители, в самом широком – общество) назначат его проигравшим, а значит, и работать нужно с ними, на самого соперни-

ка – плевать. Вот как пишут в «Афише»: «Но когда разговор уже ушел в поле эмоций, слушатель перестает подвергать их критике. «Берут старую модель Reebok, лепят лого Окси, повышают цену в 2 раза», – описывает Гнойный то, о чем не имеет представления, – раз, и что не соответствует действительности – два. Но звучит это вполне убедительно, а значит, действительно, «здесь неважно, какой факт настоящий»».

Оксимирон важен Гнойному лишь как материал для утверждения себя, Славе не интересно понимать, каков его противник настоящий, имеет значение лишь одна цель – разбить образ Окси, существующий в коллективном сознании, и освободившееся от прежнего кумира пространство максимально заполнить собой. Выяснение истины в этом «споре» не присутствовало даже на последнем месте в списке задач Гнойного. Мирон, пускай, как мне кажется, и выходил на баттл ради другого (об этом позже), но все-таки ставил задачу *объяснить*. И он *объяснял*. Оксимирон – человек идейный, человек наполненный, Гнойный – лишь наполняющий. Причем наполняющий тем самым, чем «ассенизатору выдали зарплату».

При этом Оксимирон произнес много лишнего, Гнойный же говорил правильно, но чем чаще и больше он произносил *правильное*, тем очевидней становилось, как низка этого *правильного* цена. Проговаривая свое правильное, Гнойный превращал его в профанацию, в бессмыслицу в лучших примерах, и в откровенную гадость – в худших. А как еще, ес-

ли цель – не установить истину, а задавить соперника любой ценой? Любое слово хорошо, любое подойдет – эта тактика всегда выигрышная. Такие всегда побеждают.

И действительно, когда начинаешь смотреть баттл, довольно долго симпатию вызывает только один человек – Гнойный. До тех пор, пока внезапно не обнаруживаешь, кому все это время симпатизировал, и не ужасаешься. Судя по результатам баттла, многие не обнаруживают – и уже не обнаружат.

Особенно показательны в плане искусственности, фальши и очевидной бессмысленности слова гнойного про рэпера Рема Диггу: «за него люди шли в траншеи». Вроде бы, все и правильно – Гнойный противопоставляет рэперов с активной позицией якобы «аполитичному» Мирону – но если вдуматься, естественно, ни за какого Рема Диггу ни в какие траншеи никто не шел, под его музыку – может быть, но ведь это удар совершенно другой силы, согласитесь.

Мирон честно рассказывает, как сидел в Киеве на балконе и читал впечатлившую его книгу. В середине 2017 года такое признание означает одно: Крым, Донбасс и прочие забавы простолюдинов – не для этого русского артиста. Но Слава КПСС со своим совершенно неуместным упоминанием Донбасса выглядел куда чудовищней: он использовал человеческую трагедию походя, как файербол не самых крупных размеров в своей личной – мелочной – борьбе.

Какое отношение имеет сам Слава КПСС к Донбассу? Да

никакого, в гробу он его видел.

Но вот что удивительно – подобной фальшью многие прониклись. Публицист Дмитрий Ольшанский нашел в выступлении «гуманистическую историю». Вот что он пишет:

«Смешно, но Оксимирон против Гнойного – это же в чистом виде журнал «Огонек» против «Нашего Современника». И выяснилось, что через тридцать лет в жанре, который ну никаким образом не контролируется и не фальсифицируется кровавым режимом – йоу, «Наш Современник» побеждает с разгромным счетом. Высокомерный, состоящий по большей части из самолюбования и – «культурность свою хотят показать» – претенциозных цитат либеральный мальчик–суперзвезда не смог сделать нашу гнойную Славу КПСС, как до него Навальный не сумел разбить Стрелкова».

Удивительно, как человек с таким тонким чутьем и внутренним барометром, позволяющим безупречно отличать живое от мертвого, не сумел разглядеть главного: эта «гнойная слава» – лишь конструкция, не имеющая содержания, способная наполниться чем угодно ради сиюминутной локальной задачи. И то, что она приняла форму «Нашего Современника» – крохотный эпизод, продиктованный тактической необходимостью. В народе таких, как Гнойный, называют просто: стебок. Изучать тут нечего, восхищаться тоже – стебок неглубокий и недалекий персонаж. Он одинаково выстебет и «Огонек» и «Современник», и «Правый сектор»,

и ополченцев, и Навального, и Стрелкова с Ольшанским на сдачу, и черта, диктующего ему текст в одно ухо, и ангела, зачитывающего в другое.

Но именно это и ценит та публика, что собирается на баттлах.

Оксимирон держался достойно, зная, что на длинной дистанции, разумеется, никакой Гнойный ему не соперник. Уже произнося свою ставшую знаменитой речь про героев, одинаковых во все времена, он понимал, да и все понимали, что баттл проигран. Эту речь про героя никто не хотел слушать, не за этим туда пришли. Ее не поняли не потому что не могли, а потому что не хотели – не были настроены на эту волну.

Вот здесь-то и становится понятно, почему этот баттл действительно отражает состояние и общества, и так называемого «творческого мира» как его части. Побеждают всегда Гнойные.

Оксимирон – человек со стержнем. При том, что обвинения в его адрес по части запредельного эгоцентризма и непомерно раздутого самомнения вполне справедливы, но в его «геройском раунде» нет никакой элитарности, никакого снобизма. Он рассказывает – и это именно рассказ, обстоятельный и четкий, и через этот рассказ дает диагноз Гнойному, спокойно описывая по пунктам, что тот представляет собой как творческая, то есть созидательная единица (ничего). Это нервный Слава все время использует слово «мразь», потому

что сам факт применения этого слова к кумиру десятков тысяч призван демонстрировать смелость, оторванность и отороженность вчерашнего «ноунейма». Оксимиру это не нужно, он давит знанием: просто потому что сам им обладает, а соперник – нет.

Кажется, в момент «геройской речи» от Оксимируна отвернулась даже та часть публики, что пришла с ним. От этих лиц веяло холодом. Все они хотели, чтобы Мирон «переславил» Славу КПСС, «перекапээсэсил» – задавил в жанре, заданном Гнойным, а не спокойно выступив в своем, за сим откланялся. Ведь это не прикольно, это вам не Ургант с чем-то несвойственным ему на шее.

Оксимирун вел этот баттл один против всех, и уже само по себе это вывело его на новый уровень. А победа Славы, что бы там ни утверждал Ольшанский, ни в коем случае не победа «Нашего современника». Это победа прошлого только лишь в том смысле, что это победа чистого постмодернизма, а постмодернизм давно в прошлом. Пока по нему бьют «Знаменем» и «Огоньком», он прикрывается «Нашим современником», а когда в ход пойдет «Москва» или, допустим, «Роман-газета», Гнойный спокойно вытащит какой-нибудь «Нью Таймс» или «Медузу», да что угодно, хоть иллюстрированный альманах «Флирт» с постерами. Слава КПСС – это сорокинский Роман, который на четырехсот-с-чем-то страницах философствует, восторгается русской природой и обществом любимой и друзей, при этом с нетерпением дожи-

даясь момента, когда уже можно будет достать топор и пойти рубить всю деревню к чертям собачьим, между делом испражняясь на трупы. Победа Гнойного – это победа над искренностью и свободой, но победа не «кровавого режима», что их давит и искореняет, а имитации, которая воспроизводит их форму с одной единственной целью: притворяться, придуриваться. Пусть эта свобода (в лице Оксимилона) далеко не такая, какой многим хотелось бы, и потому она бесит и злит, но искусственная победа Славы (он вроде сам зачитал что-то про «пластмассовый мир»?) по формуле «затопчем любыми средствами, лишь бы затоптать» – злит куда сильнее. И уж тем более злит, что такой победе все рукоплещут, не желая слышать доводов соперника и разума (А что, разум тоже бывает соперником).

Подозреваю, что новость об этом баттле нам «подкинули» совсем не случайно – словно кость изголодавшейся собаке: смотрите, простой парень, никто, «ноунейм» (да еще и «КПСС») уделывает выскочку, зазнайку. Торжество справедливости, победа добра над злом!

Но когда справедливость утверждается словами: «Слышь, чепуха е**ная, можешь других охмурять сонетами» – и такая модель победы вызывает всеобщий восторг, это наводит оторопь. В конце концов, за кого вы будете в «баттле» дворового гопника с научным сотрудником, возвращающимся поздно вечером домой, где аргументация точь-в-точь такая же? Но даже подобная, не слишком привлекательная спра-

ведливость мало отношения имеет к самому Гнойному. Она – всего лишь то оружие, которое он выбрал, чтобы победить. В следующий раз выберет другое.

Понятно, что личные отношения тех же Мирона и Славы нормальны, между ними нет вражды. Речь идет о творческих соревнованиях, коим и является баттл. И продемонстрированная в нем модель неожиданно близка к тому, что происходит в нашей культуре вообще и литературе – в частности, а может, и в первую очередь. В ней легко увидеть себя, а также своих дорогих и уважаемых коллег, как некоторые говорят, «по цеху».

Люди без достижений и стремления к ним побеждают тех, кто хочет что-то сказать *важное* (Слава КПСС – он ведь даже не рэпер, а человек, внедрившийся в среду, чтобы над ней глумиться). При этом они громче, они суетятся, потому что те, кто им оппонируют – суетиться не любят. Хотя правда на их стороне, потому что правда вообще ведь всегда одна, но кому она нужна, правда? Те, кто ходят вокруг да около, да еще это делают так весело, агрессивно и задорно, всегда побеждают тех, кто вгрызается в истину, стремится всеми силами схватить ее за вечно ускользающий хитрый хвост. Но герои идут, их миссия в том, чтобы идти дальше – после побед, после поражений, а особенно – после таких вот встреч с Пустотой и подвижной, принимающей любые облики, имитирующей жизнь формой.

Ведь немаловажно во всей этой истории то, что Оксими-

рон сам вызвал на бой Гнойного. И кажется, что перед нами – живой пример ошибки, которую не стоит повторять, но вот ведь в чем дело: похоже, в нем-то и кроется смысл. Мирон вызывал Славу на бой не как дракона, не как достойного соперника. Вообще, очень хочется предположить, что он выходил на этот бой, заранее понимая, что проиграет, но я не знаю истинных мотивов Мирона. В любом случае, он наверняка понимал, что получит новый опыт, другой, *отличный от битв с драконами*. Оксимирон вызывал на эту битву себя, и сражался на ней с собой – на протяжении всех раундов, но только в третьем это стало окончательно понятно.

Для опыта героя такое испытание бесценно: когда ты внутренне побеждаешь, и понимаешь, что ты победил, но никто не признает этой победы и не считает тебя победителем, когда никто не видит того, что кажется тебе очевидным, потому что просто не хочет. Потому что «г**дон в женском монастыре» веселей, чем одинокий герой, творящий жизнь.

Когда ты проиграл в честном бою, встать всегда легче, чем когда ты победил, но этого не признали. Быть поруганным и остаться при своем. Сохранить это *свое* и, вздохнув, нести дальше: что ж, не понимаете, болваны, это ваши проблемы – оставайтесь в своем монастыре, а меня ждут драконы.

Я не говорю о самом Оксимироне – его переживания мне не столь интересны, да и в том, что он справится, у меня нет никаких сомнений. Я говорю, что урок, который преподнесла эта история, простирается гораздо шире пространства

рэп-баттла как локального творческого соревнования. Этот баттл – отличный, универсальный пример для всех, кто думает, делает и создает – против тех, кто, согласно известному выражению, просто делает то, что значительно легче, чем ворочать мешки. Пусть и делает это по-своему талантливо.

Вы никогда не победите их. Но вот себя – можете.

(2016)

Праздник, которого нет с тобой

Писательская боль и перспективы

Те, для кого литература – забава, имеют все.

Чем дольше занимаешься писательством, тем чаще наблюдаешь торжество людей, которые относятся к нему как к увлечению, приятной забаве, которой они предаются в минуты слабости. Либо – другой вариант – как к побочному проекту своей основной деятельности, (здесь лидируют журналистика, колумнистика, всякие должности с приставкой «арт»), и соответственно, как средству для пиара – причем не себя как писателя, а просто себя. «Писатель» идет через запятую в резюме многих публичных персон, будь они известны на всю страну или кучке из 300—400 человек, увлеченных чем-то не слишком массовым, но опять—таки не литературой. Причем писательство идет не в начале или конце списка занятий, что акцентировало бы на нем внимание – нет, идет между делом, посередине. Именно так же, между делом, литературный мир сдается этим людям, в жизни которых литературы не было вчера и которых не будет завтра, и отвечает сухими отказами тем, для кого нет ничего важнее писательства.

Создается впечатление, что современный литпроцесс – он вроде тех девушек, которые любят, чтобы к ним относились пренебрежительно, и безразличны к тем, кто годами добива-

ется расположения.

«От белой и зеленой тишины»

Писатель – странная профессия. Да и то – профессия у единиц, у остальных занятие. «Литературный круг» интересов пересекается со множеством других людских «кругов» – писателем может быть любой, кто угодно: и рабочий, и технический специалист, и артист, и летчик, и водитель, и государственный служащий, и вышибала долгов – даже у ма- ньяка может выйти книжка. В этом «круге» – представители всех характеров, темпераментов, стилей жизни и взглядов на вещи, уровней образования, социальной адаптированности и вовлеченности, происхождения и материального благополучия. Более того, и начинают писать-то с разными целями – кто покрасоваться, кто понять жизнь, кто, наоборот, стать понятым, кто самовыразиться, а кто – выразить восхищение или ужас. Один хочет поделиться знанием, другой – пожаловаться на непонимание, третий – изменить мир, четвертый – и вовсе его разрушить. Но всем им предстоит соревноваться друг с другом, и быть оцениваемыми по одним лекалам (так, порою рыбе выносят вердикт о профнепригодности из-за неумения летать, зато павлины никогда не останутся незамеченными). В мясорубку литпроцесса затягивает всех, и валится из нее фарш в таз безвременья, только крупные хрящи да жилы выходят неперемолотыми. Остаться в лите-

ратуре с теми же целями, с тем же настроением и запалом, с которым когда-то стремился в нее, удастся немногим.

Люди разных профессий, не обучавшиеся литературе и большую часть жизни не помышлявшие о ней, внезапно начинают писать, и пишут хорошо; у писателя «одной книги», случайного, всегда большие шансы на успех. Хуже складывается судьба у тех, кто, кроме составления предложений из слов, ничего не умеет – его ожидает одно: жизнь на бессмысленных работах. А если эти работы связаны со словами – они становятся пыткой: ведь складывать их приходится во «вкусные» и продающие тексты да комментарии других людей, добившихся чего-то и влияющих на мир. А складываются-то они только в такие тексты, которые и сами ничего не продадут, и никому не продадутся. А уж о том, чтобы они на что-то повлияли, не приходится и говорить. Никто тебя не полюбит за то, что ты писатель, никто не протянет руку, никто не окажется рад тебе. «Тогда зачем?» – этот вопрос непрерывно сопровождает любое дело, свербит в голове с утра до ночи, воспаляя сознание, как загноившийся канал пробуждает зубную боль. И оно зудит, чешется, но избавиться от воспаления не так-то уж и просто, и вырвать с корнем нечего, потому что и корня нет – ты сам корень.

Время, отмеренное тебе, стораёт, и некогда совершенствоваться, некогда экспериментировать, годы уходят на то, что требует максимум месяца плотной работы. А если негде жить, и главные заботы – коммуналка да еда, плюс ежеме-

сячный платеж за съемную квартиру, превышающий доход?

Стол и стул, да возможность работать – лучшая награда для писателя, утверждает Михаил Елизаров. Но такая награда сегодня возможна только в случае получения другой, материально ощутимой. Хотя в истории встречались и иные варианты. «Если я что-нибудь значу в русской литературе, то этим я целиком обязан Петербургскому Охранному Отделению: в 1911 году оно выслало меня из Петербурга, и я года два очень безлюдно жил в Лахте. Там от белой зимней тишины и зеленой летней – я написал «Уездное»» – сообщал в «Автобиографии» Евгений Замятин. Невольно думаешь: отправил бы кто в подобную ссылку – конечно, не по политическим причинам – чтобы писать «от белой и зеленой тишины». Кому-то за долгие годы литературного опыта не удастся написать ни строчки «от тишины», а когда, наконец, долгожданная тишина наступает, выясняется, что к этому моменту все строчки давно ушли.

А бывает и так: вроде написано много, и публикуют, а никто не знает, не обсуждает, не замечает в упор. Даже в рецензиях на журналы упоминают только в строке «и др.» Шутка «Вы писатель? А кем работаете?» хороша именно тем, что это шутка. А также тем, что она когда-нибудь кончится – и это «когда-нибудь» изрядно мотивирует. Но что, если не кончается? Наступает отчаяние. Не успеешь оглянуться, а жизнь уже надо спасать: а то заигрался, замечтался! Но вдохнувший воздух писательства (или отравленный его

ядом. Смысл один, формулировка – дело вкуса), ты уже не хочешь возвращаться. И вперед не получается, и назад никак.

Сенчин в интервью рассказывал о писателях, которые натурально сходили с ума – и книжка выходила, и ни одна, да никто не хотел замечать! Юзефович пугал, что «тот, кто по каким-то причинам не получил свое вовремя», вряд ли получит его потом. И если он сопьется – это еще лучшее, что может произойти.

«Мы не отмечаем»

Не уметь ничего, кроме складывания слов в предложения, считается в некотором смысле постыдным, равнозначным неумению делать вообще ничего. Вот только непонятно, почему так. Врач, который только лечит, или водитель, который только водит, или певец, занимающийся одним лишь пением – это в порядке вещей, это естественно, а стало быть, как мы знаем, не стыдно. А в случае с писательством («Вы кто? – Я писатель») возникает недоумение, дискомфорт, признание оставляет неприятный осадок. Ничего не уметь, кроме как писать – это нужно постараться. Уродиться. И жаль человека, и сторонись его – помочь ничем не можешь, а на тебя его беда, конечно, вряд ли перекинется, но чем черт не шутит! Правда, это все касается «обычной» жизни. А собственно, литературные сообщества, казалось,

должны быть на страже такого человека, оберегать его и помогать, но нет. Получается иначе: и здесь он тоже – не свой.

В рассуждениях критиков и прочих людей, причастных к оценке писательского труда, принято говорить об «особом пути» писателя. О том, что необходима биография, которая идет впереди текстов и без которой писатель как бы и неполноценен, не интересен. Понимание его как обычного человека, который зарабатывает, занимаясь делом (ремеслом), на которое способен, обеспечивает себя (пускай и без излишеств) – у нас не приживается. В том числе и потому, что во многом отторгается самими писателями. Жизнь писателя, его поведение, его высказывания по каким-то вопросам, его отношения с противоположным полом и другими писателями, его участие или неучастие в бессмысленных процессах, то ли имеющих, то ли не имеющих отношение к литературе – то есть любой производимый им шум – все это интересует куда больше, чем собственно тексты. При том что в реальности биография талантливого человека, как и любого другого, может быть весьма скудна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.